

Роберт Стивенсон

Чёрная стрела

Роберт Льюис Стивенсон

Чёрная стрела

«Public Domain»

1888

Стивенсон Р.

Чёрная стрела / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1888

Это произведение – яркий образец историко-приключенческого романа XIX века. Книгой об отважном Дике Шелтоне зачитывалось не одно поколение молодых. Не устарел роман и сегодня. История героя развивается в русле событий братоубийственной войны в Англии второй половины XV столетия. Юный Ричард Шелтон, спасаясь от своего покровителя, которого обвиняет в смерти отца, бежит из дома и присоединяется к разбойникам. Попутно он влюбляется в Джоанну Сэдли, которая тоже вынуждена скитаться, переодевшись в мужское платье... Много трудностей ждет влюбленных на пути к счастью и благополучию. Погрузитесь в мир средневековых интриг и загадок, пуститесь в рискованные приключения времен войны Алой и Белой розы!

© Стивенсон Р., 1888

© Public Domain, 1888

Содержание

«Критик за очагом»	6
Пролог	7
Часть первая	16
Глава I	16
Глава II	21
Глава III	25
Глава IV	29
Глава V	34
Глава VI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Роберт Стивенсон

Чёрная стрела

* * *

«Критик за очагом»

Одному мне известно, что я выстрадал, и насколько выиграли мои книги благодаря вашему неусыпному вниманию и поразительной настойчивости. Но вот перед вами книга, которая вышла в свет, не имея вашего *imprimatur*; странная вещь в истории нашей дружбы, еще более необычна – причина этого. Я с любопытством, с досадой и, наконец, с улыбкой следил за вашими тщетными стараниями прочитать «Черную Стрелу»; и, мне думается, я действительно заслужил бы упрек в отсутствии юмора, если бы упустил случай и не поставил вашего имени впереди единственной моей книги, которой вы не читали... и никогда не прочтете.

Но я все-таки надеюсь на большее постоянство со стороны других. Повесть была написана несколько лет назад для определенного круга читателей и, могу добавить, в соревновании с известным автором; мне кажется, я поступлю правильно, назвав его: это мистер Альфред Р. Филлипс. В свое время она не осталась без награды. Разумеется, не мне было оспаривать у мистера Филлипса его заслуженное первенство; но в глазах тех самых читателей, которые ни во что не ставили «Остров Сокровищ», «Черная Стрела» явилась значительным шагом вперед. Читатели отдельно изданных книг и читатели журнальных романов принадлежат к двум различным мирам. В другом суде «Острову Сокровищ» был вынесен противоположный приговор. Хотел бы я знать, будет ли то же самое и с его преемником?

Р. Л. С.

Озеро Саранак, 8 апреля 1888 г.

Пролог

Джон Мститель

Однажды поздней весной после полудня колокол на башне Моот-Хауса, в Тонсталле прозвучал в необычное время. Люди, работавшие вблизи и вдали, в лесу и на полях вдоль реки, побросали свою работу и бросились по направлению звука колокола. В деревушке Тонсталль собралась группа бедных жителей, удивлявшихся этому призыву.

В те времена – в царствование старого короля Генриха VI – деревушка Тонсталль имела такой же вид, какой сохранила и до сих пор. Десятка два неуклюжих домов, выстроенных из толстого дуба, было разбросано по длинной зеленой долине, подымавшейся от реки. Внизу дорога пересекала мост и, подымаясь на другую сторону реки, исчезала на опушке леса, по пути к Моот-Хаусу и дальше, к Холивудскому аббатству. На полдороге к деревушке среди тисовых деревьев стояла церковь. Повсюду – вблизи на склонах и вдали на горизонте – виднелись леса зеленых вязов и зеленеющих дубов.

На холме у самого моста, где стоял каменный крест, собралась группа людей – с полдюжины женщин и высокий малый в деревенской одежде, – обсуждавших вопрос о том, что мог означать неожиданно раздавшийся звук колокола. Полчаса тому назад по деревушке проскакал гонец. Он выпил кружку эля, не решившись сойти с лошади, так как очень торопился. Он сам не знал вестей, которые вез, так как у него были только запечатанные письма от сэра Даниэля Брэклея к сэру Оливеру Отсу, священнику, заведовавшему домом во время отсутствия хозяина.

Раздался конский топот, и вскоре молодой мастер Ричард Шельтон, сирота, живший у сэра Даниэля Брэклея, показался из-за края леса и проехал по мосту, по которому звонко застучали копыта его коня. Он-то уже наверно знает в чем дело, – и разговаривавшие окликнули его, прося объяснений. Он охотно остановился. То был молодой человек, еще не достигший восемнадцати лет, загорелый, с серыми глазами, в куртке из оленьей кожи с черным бархатным воротником, в зеленом берете на голове и со стальным арбалетом за спиной. Оказалось, что гонец привез важные известия. Предстояла битва.

Сэр Даниэль прислал сзывать всех, кто мог стрелять из лука или управляться с алебардой, приказывая немедленно отправиться в Кеттлей, грозя в противном случае сильным гневом; но Дик не знал, за кого они будут сражаться и где ожидается битва. Скоро придет сам сэр Оливер, а Беннет Хэтч вооружается, так как он поведет отряд.

– Это разорение для страны, – сказала одна из женщин, – когда бароны ведут войну, крестьянам приходится питаться кореньями.

– Нет, – сказал Дик, – всякий, кто пойдет, будет получать по шесть пенсов в день, а стрелки по двенадцать.

– Если останутся живы, – возразили женщины, – то хорошо; ну, а если умрут, тогда, что, мастер?

– Нет лучше смерти, как за своего законного господина, – сказал Дик.

– Он вовсе не мой законный господин, – сказал молодой парень. – Я был приверженцем Уэльсингэмов, как и все, что живут по Брайерлейской дороге, вот уж два года. А теперь должен быть на стороне Брэклея! Так повелел закон! Неужели же это естественно? Тут у меня и сэр Даниэль, и сэр Оливер, который более знаком с законом, чем с честностью, – а я считаю, что у меня нет другого законного господина, кроме бедного короля Гарри Шестого, да благословит его Господь, бедного простака, не умеющего отличать своей правой руки от левой!

– Ты злоязычен, друг, – заметил Дик, – и сразу говоришь плохо и о своем добром хозяине, и о его милости короле! Но король Гарри – хвала всем святым! – пришел в себя и желает, чтобы

все устроилось мирно. Что же касается сэра Даниэля, то ты очень храбр за его спиной! Но я не буду сплетником... и доволюно.

– Я не говорю ничего дурного о вас, мастер Ричард, – возразил крестьянин. – Вы еще мальчик, а вот когда вырастете, то и очутитесь с пустым кошельком. Больше ничего не скажу; святые да помогут соседям сэра Даниэля, а Пресвятая Дева тем, кого он опекает.

– Клипсби, – сказал Ричард, – я по чести не должен слушать того, что вы говорите. Сэр Даниэль – мой добрый господин и мой опекун.

– Ну, отгадайте мне одну загадку, – возразил Клипсби. – На чьей стороне сэр Даниэль?

– Не знаю, – проговорил Дик, слегка краснея, потому что его опекун постоянно в это смутное время переходил с одной стороны на другую, и каждая перемена сопровождалась увеличением его состояния.

– Ага! – возразил Клипсби. – Этого не знаете ни вы, ни один человек на свете. Потому что он из тех, что ложится спать приверженцем Ланкастерского дома, а встает защитником Йорка.

Как раз в это время на мосту раздались звуки железных подков; все обернулись и увидели Беннета Хэтча, который галопом приближался к ним. То был смуглый человек с сединой в волосах, с тяжелой рукой и суровым лицом, вооруженный копьем и мечом, в стальном шлеме и кожаной куртке. Он был великий человек в своей местности, правая рука сэра Даниэля в мирное и военное время; теперь, благодаря стараниям своего господина, он был назначен начальником отряда из ста человек.

– Клипсби, – крикнул он, – отправляйся к Моот-Хаусу и пошли туда же и остальных лодырей. Боуер даст вам шлемы и кольчуги. Мы должны отправиться до захода солнца. Смотри же: сэр Даниэль расправится с тем, кто опоздает к сбору. Смотри хорошенько! Я знаю, что ты негодный человек! Нанс, – прибавил он, обращаясь к одной из женщин, – что, старик Аппльярд в городе?

– Ручаюсь, что нет, – ответила женщина, – наверное, в поле.

Группа рассеялась: Клипсби лениво побрел по мосту, Беннет и Шельтон поехали вместе по дороге через селение и мимо церкви.

– Увидите старого ворчуна, – сказал Беннет. – Он употребит на воркотню и восхваление Гарри Пятого более времени, чем нужно человеку для того, чтобы подковать лошадь. И все потому только, что принимал участие во французских войнах!

Дом, к которому они направлялись, стоял в конце селения, среди кустов сирени; за ним с трех сторон шли поля, доходившие до опушки леса.

Хэтч сошел с лошади, бросил повод на изгородь и пошел по полю вместе с Диком к старому солдату, который, стоя по колена в капусте, рыл землю, напевая по временам надтреснутым голосом отрывки песен. Вся одежда его была кожаная; только капюшон и пелерина были из черной байки и завязывались чем-то красным; его лицо походило на скорлупу грецкого ореха как по цвету, так и по бороздам. Но старые серые глаза были еще ясны, и зрение не ослабло. Может быть, он был глух, может быть, считал недостойным старого стрелка, участвовавшего в битве при Азинкуре, обращать внимание на такую помеху, но ни тревожные звуки колокола, ни приближение Беннета и юноши, по-видимому, не произвели на него никакого впечатления. Он продолжал упорно рыть землю и напевать слабым, дрожащим голосом:

«И если, о, леди, твоя будет милость,
Молю, пожалей обо мне»...

– Ник Аппльярд, – сказал Хэтч, – сэр Оливер кланяется вам и просит вас сейчас же прийти в Моот-Хаус, чтобы принять командование над гарнизоном.

Старик взглянул на пришедших.

– Здорово, господа! – усмехаясь проговорил он. – А куда же отправляется мастер Хэтч?

– Мастер Хэтч отправляется в Кеттлей со всеми, кого мы только можем посадить на коня, – ответил Беннет, – по-видимому, там ожидается битва, и милорд нуждается в подкреплении.

– В самом деле? – сказал Аппльярд. – Ну, а сколько же человек оставляете вы мне?

– Я оставляю вам шесть добрых молодцев и сэра Оливера в придачу, – ответил Хэтч.

– Так не удержать нам позиции, – сказал Аппльярд, – недостаточно людей. Нужно человек сорок.

– За этим-то мы и пришли к тебе, старый ворчун, – ответил Беннет. – Кто другой, кроме тебя, мог бы сделать что-нибудь в таком доме и с таким гарнизоном?

– Ага! Когда жмет где-нибудь, то вспоминают и о старом сапоге, – заметил Ник. – Никто из вас не умеет сидеть на лошади или управляться с алебардой; а что касается стрельбы из лука – Святой Михаил! Если бы ожил старик Гарри Пятый, он встал бы перед вами и спокойно позволил бы вам стрелять в него по фартингу за выстрел.

– Ну, Ник, найдутся еще и теперь люди, умеющие хорошо натянуть тетиву, – сказал Беннет.

– Хорошо натянуть тетиву! – вскрикнул Аппльярд. – Да! Но кто же умеет хорошо стрелять? Тут нужен и глаз, и голова на плечах. Ну, что ты назовешь хорошим выстрелом, Беннет Хэтч?

– Да вот тот, который попадет отсюда в лес, – ответил Беннет, оглядываясь вокруг.

– Да, это довольно хороший выстрел, – сказал старик, оборачиваясь, чтобы взглянуть через плечо. Вдруг он прикрыл глаза рукой и уставился вдаль.

– На что это вы смотрите? – спросил, хихикая, Беннет. – Уж не видите ли Гарри Пятого?

Ветеран молча продолжал смотреть на холм. Лучи солнца ярко освещали луга на его склоне; несколько белых овец щипали траву; все было тихо, только издали доносился звук колокола.

– Что такое, Аппльярд? – спросил Дик.

– Да вот птицы, – ответил Аппльярд.

И действительно, над деревьями леса, там, где он врезался в луга и заканчивался двумя чудесными зелеными вязами, на расстоянии полета стрелы от поля, где стояли разговаривавшие, стая птиц металась взад и вперед в очевидном беспокойстве.

– Что же с птицами? – спросил Беннет.

– Ах! – возразил Аппльярд. – Вот вы, словно умный, собираетесь на войну, мастер Беннет. Птицы – хорошие часовые; там, где леса, они являются в первых рядах сражения. Видите, если бы мы были не здесь, а в лагере, то можно было бы подумать, что нас выслеживают стрелки... а вы бы так ничего и не знали!

– Ну, старый ворчун, – сказал Хэтч, – самые близкие к нам воины в Кеттлее, под командой сэра Даниэля; мы здесь в безопасности, словно в лондонском Тауэре, а вы пугаете людей из-за нескольких зябликов и воробьев.

– Послушать только его! – со смехом сказал Аппльярд. – Да сколько мошенников дали бы себе обрезать уши, чтобы только выстрелить в кого-нибудь из нас! Святой Михаил! Они ненавидят нас, словно хорьков, мой милый!

– Ну, по правде сказать, они ненавидят сэра Даниэля, – заметил Хэтч довольно сдержанно.

– Да, они ненавидят сэра Даниэля, но ненавидят и всякого, кто служит у него, – сказал Аппльярд, – и первым делом они ненавидят Беннета Хэтча и стрелка Николаса. Послушайте, если бы там, на опушке леса, появился здоровый малый, и мы стояли бы так, что ему было бы удобно целиться в нас, – вот как мы стоим теперь, спиной к лесу, – то как вы думаете, кого из нас выбрал бы он?

– Бьюсь об заклад, что вас, – ответил Хэтч.

– А я ставлю мой кафтан против кожаного пояса – он выбрал вы вас! – вскрикнул старый стрелок. – Вы сожгли Гримстон, Беннет; этого вам никогда не простят, мастер. Что касается меня, то, Бог даст, я скоро буду в мирном месте, вдали от всякого выстрела – как из лука, так и из пушки. Я старый человек и быстро приближаюсь к дому, где уготовано ложе. Но вы, Беннет, останетесь после меня на свою погибель и, если доживете до моих лет неповешенным, то, значит, угас истинный английский дух.

– Ты самый злой дурак во всем Тонсталле, – сказал Хэтч, очевидно раздраженный этими угрозами. – Собирайся-ка, прежде чем явится сэр Оливер, и перестань болтать хоть ненадолго. Если ты так же много разговаривал с Гарри Пятым, то уши. его были шире его карманов.

Стрела прожужжала в воздухе, словно большой шершень; она попала между лопатками старого Аппльярда, пронзила его насквозь, и он упал лицом в капусту. Хэтч подпрыгнул в воздухе с отрывистым криком, потом согнулся вдвое и побежал к дому. Дик Шельтон встал за кусты сирени и держал арбалет наготове, целясь в опушку леса.

Ни один лист не шевелился. Овцы спокойно щипали траву; птицы уселись на свои места. Но старик лежал со стрелой в спине; Хэтч ухватился за косяк двери, а Дик притаился за кустами сирени.

– Вы видите что-нибудь? – крикнул Хэтч.

– Ни одна ветвь не шелохнется.

– По-моему, стыдно оставлять его лежать так, – сказал Беннет, подходя нерешительными шагами и с очень бледным лицом. – Смотрите за лесом, мастер Шельтон, присматривайте хорошенько. Да помогут нам святые! Но каков выстрел!

Беннет положил старого стрелка к себе на колени. Старик еще не умер; лицо его искажилось от боли; глаза то открывались, то закрывались. По-видимому, он страдал ужасно.

– Ты меня слышишь, старый Ник? – спросил Хэтч. – Нет ли у тебя какого-нибудь последнего желания, прежде чем отправиться, старый брат?

– Выньте стрелу и дайте мне умереть, во имя Богоматери, – задыхаясь, проговорил Аппльярд, – я покончил со старой Англией. Вытащите стрелу.

– Мастер Дик, – сказал Беннет, – подойдите сюда и выдерните стрелу. Он скоро отойдет, бедный грешник.

Дик отложил арбалет и, сильно дернув, вытащил стрелу. Хлынул поток крови; старик приподнялся на коленях, призвал имя Божие и упал мертвым. Хэтч на коленях среди кочнов капусты горячо молился о спасении отлетавшей души. Но видно было, что и во время молитвы мысли его заняты другим – он не сводил глаз с того уголка леса, откуда был сделан выстрел. Окончив молитву, он встал, снял одну из своих железных рукавиц и вытер свое бледное, мокрое от страха лицо.

– Следующая очередь – моя, – сказал он.

– Кто сделал это, Беннет? – спросил Ричард, продолжая держать стрелу в руке.

– Только святые знают это, – сказал Хэтч. – Мы с ним выгнали из домов и имений добрых сорок человек. Он поплатился за это, бедняга; может быть, скоро поплачусь и я. Сэр Даниэль слишком притесняет людей.

– Странная стрела, – сказал юноша, рассматривая стрелу.

– Да, правда! – вскричал Беннет. – Черная с черным оперением. Вот так зловещая стрела! Говорят, черный цвет предвещает похороны. А тут написаны и слова. Сотрите кровь. Прочтите, что там написано.

– *«Аппльярду от Джона Мстителя»...* Что это значит?..

– Ну, это мне не нравится, – сказал Беннет, покачивая головой. – *«Джон Мститель»...* как раз подходящее имя для негодяев. Но чего ради мы стоим здесь, словно мишени! Возьмите его под колена, добрый мастер Шельтон, а я подыму его за плечи, и мы снесем его в дом. Это

будет страшный удар для бедного сэра Оливера; он побелеет как бумага и будет бормотать молитвы, словно ветряная мельница.

Они подняли старого стрелка и отнесли в дом, где он жил один. Тут они положили его на пол, жалея тюфяка, и приложили все усилия, чтобы придать трупу должное положение. Домик Аппльярда был чистенький, но довольно пустой. Тут была кровать с синим одеялом, буфет, большой сундук, два складных стула, стол на петлях в углу у камина; на стенах висели луки и другое оружие старого воина. Хэтч с любопытством оглянулся вокруг.

– У Ника были деньги, – сказал он. – У него, может быть, отложено фунтов шестьдесят. Хотелось бы мне найти их. Когда теряешь старого друга, мастер Ричард, то самое лучшее утешение – получить наследство после него. Вот, взгляните, бьюсь об заклад, там лежит груда золота. Стрелок Аппльярд приобретал легко, а отдавал с трудом. Да упокоит Господь его душу! Около восьмидесяти лет он расхаживал по земле и все добывал что-нибудь; а теперь он лежит на спине, бедный ворчун, и ничего ему больше не надо; если его пожитки достанутся доброму другу, то, я думаю, ему будет веселее на небесах.

– Ну, Хэтч, – сказал Дик. – Уважай его незрячие глаза. Неужели ты решишься на воровство перед его трупом? Да он, пожалуй, встанет тогда!

Хэтч перекрестился несколько раз, но вскоре румянец вернулся на его побледневшее лицо; его не так легко было отговорить от принятого решения. Сундуку не поздоровилось бы, если бы как раз в ту минуту не раздался стук распаиваемой калитки; в дом вошел высокий, толстый, краснощекий, черноглазый человек, лет около пятидесяти, в черной рясе.

– Аппльярд, – проговорил вошедший и вдруг словно замер на месте. – Ave Maria! – вскрикнул он. – Да защитят нас святые угодники! Что это такое?

– Да, плохо дело с Аппльярдом, господин священник, – ответил совсем весело Хэтч. – Убит у порога своего дома и теперь входит во врата чистилища. Там, если верить рассказам, он не будет нуждаться ни в углях, ни в свечах.

Сэр Оливер с трудом добрался до складного стула и, весь бледный и дрожащий, опустился на него.

– Это Божий суд! О, какой удар! – прорыдал он и забормотал молитвы.

Хэтч между тем снял свой шлем и набожно опустился на колени.

– А, Беннет, – сказал священник, немного оправившись, – что это может быть? Какой враг сделал это?

– Вот стрела, сэр Оливер. Взгляните, на ней написаны слова, – сказал Дик.

– Ну! скверные вести! – вскрикнул священник. – «Джон Мститель!» Вполне подходящее название для Лолларда!¹ И вдобавок черная, как дурное предзнаменование! Господа, эта стрела не нравится мне. Но нам необходимо посоветоваться. Кто бы это мог быть? Подумай-ка хорошенько, Беннет. Кто из многих злоумышленников решается так смело выступить против нас? Симнель? Я сильно сомневаюсь в этом. Уэльсингэмы? Нет, они еще не дошли до этого; они еще надеются победить нас законным образом, когда настанет иное время. Вот еще Симон Мельмсбери. А ты как думаешь, Беннет?

– А что вы думаете, сэр, об Эллисе Декуорсе?

– Ну, это уж нет, Беннет. Только не он, – сказал священник. – Смута никогда не подымается снизу, Беннет; все разумные хроникеры сходятся в этом мнении; возмущение всегда идет сверху вниз; когда Дик, Том и Гарри берутся за свои луки, нужно пристально взглядеться, кому из лордов может быть полезно это движение. Так как сэр Даниэль снова присоединился к партии королевы, то он теперь в немилости у лордов партии Йорка. Оттуда и идет этот удар,

¹ Слово Лоллард (Lollard), обозначавшее «пустой болтун», было презрительным прозвищем, которое давали духовным лицам, восставшим в XIV столетии против господствующей церкви (*прим. перевод.*).

Беннет. Я постараюсь узнать, кто подготовил его, но здесь главная причина этого несчастного случая.

– Извините, сэр Оливер, – сказал Беннет, – они здесь так нагрелись, что я давно уже чую пожар. Чую его и бедный грешник Аппльярд. И, извините, умы всех здесь так скверно настроены против нас, что для бунта не нужно им ни Ланкастера, ни Йорка. Выслушайте мои слова. Вы, служитель церкви, и сэр Даниэль, вечно поворачивающийся, куда дует ветер, вы отняли добро у многих людей и немало их погубили и перевешали. Вас призывали к суду, но уж не знаю каким образом, вы всегда оказывались правы. Вы думаете, что на том и делу конец? Ну, нет, извините, сэр Оливер: человек, у которого отняли добро и которого побили, приходит в ярость и когда-нибудь, когда попутает нечистый, он возьмет свой лук да и всадит вам стрелу на целый ярд.

– Нет, Беннет, ты ошибаешься. Беннет, ты должен был бы радоваться, что есть кому наставлять тебя, – сказал сэр Оливер. – Ты пустой болтун, враль, глотка у тебя больше твоих обоих ушей вместе взятых. Обрати на это внимание, Беннет, обрати.

– Ну, я не буду больше ничего говорить. Как вам угодно, – сказал Беннет.

Священник встал со стула, вынул из висевшего у него на шее ящичка с письменными принадлежностями сургуч, печать и кремь. Он приложил печать сэра Даниэля к буфету и к сундуку, причем Хэтч с недовольством смотрел на это. Потом все несколько боязливо вышли из дома и сели на лошадей.

– Нам пора уже быть в пути, сэр Оливер, – сказал Хэтч, держа стремя для священника, пока тот садился.

– Да, но времена изменились, Беннет, – возразил священник. – Аппльярда уже нет, упокой, Господи, его душу! Я задержу тебя в гарнизоне, Беннет. У меня должен быть верный человек, на которого я мог бы положиться в эти дни. «Стрела во дне летящая», говорится в евангелии; не помню дальше текста, я ленивый священник, я слишком погружен в мирские дела. Ну, едем, мастер Хэтч. Всадники должны уже быть у церкви.

Они поехали вниз по дороге; ветер развеивал полы плаща священника. На небе, за ними, подымались тучи, закрывая солнце. Они проехали мимо трех разбросанных домиков деревушки Тонсталль и, доехав до поворота, увидели перед собой церковь. Десять-двенадцать домов сгруппировались впереди нее; сзади кладбище подходило к лугам. У арки кладбищенских ворот собралось около двадцати человек, некоторые из них сидели в седлах, другие стояли около своих лошадей. И вооружение, и лошади их отличались большим разнообразием: у одних были копья, у других алебарды, у третьих мечи. Некоторые сидели на лошадях, еще покрытых грязью от только что проведенной борозды. Все это был всякий сброд этой местности, так как лучшие люди и лошади были уже на войне с сэром Даниэлем.

– Недурно! Да будет благословен крест Холивуда! Сэр Даниэль будет очень доволен, – заметил священник, мысленно пересчитывая отряд.

– Кто готов в путь? Выезжайте все, кто верен нам! – крикнул Беннет.

Какой-то человек пробирався между вязами; услышав этот призыв, он отбросил всякое стеснение и бросился прямо к лесу. Люди, стоявшие у кладбищенских ворот, не замечавшие до сих пор присутствия незнакомца, встрепнулись и рассыпались во все стороны. Сошедшие с лошадей вновь вскочили в седла, остальные бросились преследовать незнакомца, но им приходилось огибать церковь и кладбище и потому ясно было, что добыча ускользнет от них. Хэтч с громким ругательством хотел перескочить через ограду, но лошадь отказалась сделать прыжок, и всадник очутился в пыли на земле. Хотя он сейчас же вскочил на ноги и схватил повод, время все же было упущено, и беглец был слишком далеко, чтобы можно было догнать его.

Дик Шельтон оказался умнее всех. Вместо того, чтобы заняться бесполезным преследованием, он снял со спины арбалет и приготовил стрелу. Когда все остальные отказались от своих намерений, он повернулся к Беннету и спросил, нужно ли стрелять.

– Стреляй! Стреляй! – крикнул священник с кровожадной яростью.

– Стреляйте в него, мастер Дик, – сказал Беннет. – Попадите в него так, чтобы он упал, словно созревшее яблоко.

Беглецу оставалось сделать только несколько прыжков, чтобы очутиться в безопасности, но на окраине луг круто подымался к холму, и потому ему приходилось бежать медленнее. Целиться было нелегко, из-за сумрака и порывистых движений беглеца. Дик прицелился и почувствовал нечто вроде сожаления; он почти желал не попасть в цель. Стрела полетела.

Беглец споткнулся и упал, Хэтч и остальные преследователи разразились громкими, радостными криками. Однако они делили шкуру медведя, еще не поймав его. Беглец упал, не причинив себе никакого вреда; он сейчас же вскочил на ноги, повернулся, взмахнул с вызывающим видом шляпой и в следующее мгновение исчез за опушкой леса.

– Чума его возьми! – крикнул Беннет. – У него ноги вора, он умеет бегать. Но вы попали в него, мастер Шельтон; он унес с собой вашу стрелу; я не очень-то завидую этому подарку.

– Но что он делал у церкви? – спросил сэр Оливер. – Опасаюсь, что что-нибудь очень дурное. Клипсби, добрый малый, сойди-ка с коня да поищи хорошенько среди вязов.

Клипсби скоро вернулся с какой-то бумагой в руках,

– Эта бумага была прибита к двери церкви, – сказал он, подавая ее сэру Оливеру. – Больше я ничего не нашел.

– Ну, клянусь могуществом нашей Матери-церкви, это уже приближается к святотатству! – вскричал сэр Оливер. – Если это делается по приказанию короля или владельца замка, то уж нечего делать! Но чтобы всякий бродяга в зеленой куртке мог прибивать бумаги к дверям святыни – это уж очень близко к святотатству, и люди сжигались за дела меньшей важности! Но что это такое? Темнеет быстро. Добрый мастер Ричард, у вас молодые глаза. Прочтите мне, пожалуйста, этот пасквиль.

Дик Шельтон взял бумагу в руки и прочел ее вслух. Это были очень грубые вирши, почти без рифм, написанные большими буквами и с невероятными ошибками.

*«За пояс заткнул я четыре стрелы;
Все черные стрелы в оплату за зло,
Четыре по счету негодных людей,
Насилье которых меня доняло.
Одной уже нет; она метко попала:
Старик Аппельярд ей сражен.
Для мастера Беннета Хэтча другая,
Кем Гримстон с стенами сожжен.
А вот и для сэра Оливера Отса —
Им Гарри, сэр Шельтон, убит.
Четвертой, сэр Даниэль, вскоре вы ждите,
Увидите, как она в вас полетит.
Так каждый получит на долю стрелу,
И черная – черное сердце пронзит.
Скорее читайте молитву свою,
И ныне, и присно вас смерть поразит.*

*Джон Мститель за всех
Из Зеленого леса
И его веселые товарищи*

Нет, у нас есть еще стрелы а хорошие пеньковые веревки и для других из ваших приверженцев».

– Увы! Где милосердие и другие христианские добродетели? – печально проговорил сэр Оливер. – Дурен здешний мир, господа, и с каждым днем становится все хуже и хуже. Я готов поклясться на Холивудском кресте, что я так же невиновен в нанесении какого-либо зла, умышленно или неумышленно, тому доброму рыцарю, как некрещеный ребенок. Да никто и не думал его убивать, они заблуждаются и в этом, есть еще живые свидетели.

– Вы это напрасно, господин священник, – сказал Беннет. – Эти разговоры совсем неуместны.

– Нет, мастер Беннет, нет. Знайте свое место, добрый Беннет, – ответил сэр Оливер. – Я докажу свою невиновность. Я не хочу погибнуть по ошибке. Я беру всех в свидетели, что я чист в этом деле. Я даже не был в Моот-Хаусе. Меня послали по делу раньше девяти часов.

– Сэр Оливер, – перебил его Хэтч, – так как вам не угодно прервать эту проповедь, то я приму другие меры. Гофф, труби, чтобы садились на лошадей.

Раздался звук трубы. Беннет подошел близко к пораженному священнику и яростно шепнул ему что-то на ухо. Дик Шельтон увидел, как сэр Оливер испуганно взглянул на него. Дику было о чем подумать, потому что сэр Гарри Шельтон был его родной отец. Но он не сказал ни слова, и лицо его осталось неподвижным.

Хэтч и сэр Оливер некоторое время обсуждали изменившееся положение дела, они решили оставить десять человек не только для защиты Моот-Хауса, но и для сопровождения священника через лес. Так как Беннет должен был остаться, то командование отрядом, посланным для подкрепления, было передано мастеру Шельтону. Действительно, другого выбора не оставалось; остальные были глупые, неуклюжие люди, неопытные в военном деле, а Дик был не только популярен, но решителен и серьезен не по годам. Хотя он провел свою юность в этом глухом местечке, но сэр Оливер хорошо обучил его чтению и письму, а обращению с оружием и первым основам военного искусства научил его сам Хэтч. Беннет всегда был добр к Дику и готов помочь ему во всем. Он был из таких людей, которые жестоки к тем, кого считают своими врагами, но по-своему верны и преданы своим друзьям. И теперь, пока сэр Оливер вошел в ближайший дом, чтобы написать своим красивым почерком отчет о последних событиях своему господину, сэру Даниэлю Брэклею, Беннет подошел к своему ученику, чтобы пожелать ему успеха в его предприятии.

– Вы должны ехать дальним путем, в обход, мастер Шельтон, – сказал он, – объехать мост, чтобы сохранить жизнь! Пустите верного человека в пятидесяти шагах перед собой, пусть он стреляет, а вы поезжайте потихоньку, пока не выедете из лесу. Если негодяи нападут на вас, скачите изо всех сил, вы ничего не сможете сделать, если остановитесь. И поезжайте все вперед, мастер Шельтон, не возвращайтесь сюда, если вам дорога жизнь; помните, что в Тонсталле вам не найти помощи. Так как вы едете на великую войну за короля, а я остаюсь здесь, где моей жизни грозит величайшая опасность, и только святые знают, встретимся ли мы еще с вами здесь, на земле, то я дам вам последние советы при вашем отъезде. Остерегайтесь сэра Даниэля, ему нельзя доверять. Не верьте и плуту-священнику; у него нет дурных намерений, но он исполняет волю других, это – орудие сэра Даниэля! Приобретите влияние там, куда отправляетесь, заведите себе сильных друзей. И помните добром Беннета Хэтча. На свете есть негодяи похуже Беннета. Ну, желаю вам удачи!

– Господь да будет с вами. Беннет! – ответил Дик. – Вы были всегда добрым другом мне, сироте, и я всегда скажу это.

– И вот что еще, мастер, – прибавил Хэтч несколько смущенно, – если этот «Мститель» пустит в меня стрелу, вы, может быть, не откажетесь дать золотую монету, а то и фунт за спасение моей бедной души, потому что плохо мне придется в чистилище.

– Ваше желание будет исполнено, Беннет, – ответил Дик. – Но бодритесь! Мы встретимся там, где вы будете более нуждаться в эле, чем в мессах.

– Дай-то Бог, мастер Дик, – сказал Хэтч. – Но вот идет сэр Оливер. Если бы он так же ловко управлялся с луком, как с пером, он был бы чудесным воином.

Сэр Оливер дал Дику запечатанный пакет с надписью:

«Моему достоуважаемому господину, сэру Даниэлю Брэклею, рыцарю. Передать немедленно».

Дик положил пакет за пазуху, отдал приказание и поехал вдоль деревушки к западу.

Часть первая Два мальчика

Глава I Гостиница «Солнце» в Кеттлее

Сэр Даниэль и его люди разместились в этот вечер в Кеттлее и его окрестностях, в теплых помещениях и расставили патрули. Но рыцарь из Тонсталля был из людей, вечно гнавшихся за денежной добычей. И теперь, накануне авантюры, из которой он должен был или выйти победителем, или погибнуть, он встал в час ночи, чтобы выжать сок из своих бедных соседей. Он вел большие дела по спорным наследствам: обыкновенно он покупал право наследства у какого-нибудь самого безнадёжного претендента и потом, благодаря покровительству важных лордов, приближенных короля, добивался неправильных решений в свою пользу. Если же для этого требовалось много хлопот, он захватывал спорный замок силой оружия и полагался на свое влияние и на крючкотворство сэра Оливера, чтобы удержать захваченное. Кеттлей был одним из таких спорных мест, недавно попавшим в его когти. Сэр Даниэль встречал еще отпор со стороны жителей и, чтобы подавить недовольство, привел сюда свои войска.

В два часа утра сэр Даниэль сидел в комнате гостиницы у очага, так как в этот час бывало холодно среди болот Кеттлея. Рядом с ним стояла кружка эля, приготовленного с пряностями. Он снял свой головной убор с забралом и сидел, плотно укутавшись в ярко-красный плащ и опустив на руку свою лысую голову и худое, смуглое лицо. В дальнем конце комнаты около дюжины солдат стояли на часах у двери или спали на скамьях. Несколько ближе к нему мальчик лет двенадцати-тринадцати растянулся на плаще на полу. Хозяин «Солнца» стоял перед великим человеком.

– Ну, заметь, хозяин, – говорил сэр Даниэль, – только слушайся моих приказаний, и я буду всегда добрым господином. Мне нужны хорошие люди в старшины, а главным констеблем я желаю иметь Адама-а-Мора; позаботься хорошенько об этом. Если будут выбраны другие, то это не принесет вам никакой пользы, как вы знаете по горькому опыту. Я приму хорошие меры относительно тех, кто платил Уэльсингэму... между ними был и ты, мой любезный хозяин.

– Добрый рыцарь, – сказал хозяин, – я поклянусь на Холивудском кресте, что я платил Уэльсингэму только по принуждению. Нет, достойный рыцарь, я не люблю бездельников Уэльсингэмов; они были бедны как воры, храбрый рыцарь. Дайте мне настоящего лорда вроде вас. Спросите соседей, все скажут, что я стойко держусь Брэкля.

– Может быть, – сухо проговорил сэр Даниэль. – Тогда ты заплатишь вдвое.

Хозяин гостиницы сделал страшную гримасу, но подобного рода несчастье часто случалось с арендаторами в те беспокойные времена, и хозяин, может быть, был рад отделаться так легко.

– Приведи того малого, Сельден! – крикнул рыцарь.

Один из слуг ввел бедного, забитого старика, бледного как полотно и дрожавшего от болотной лихорадки.

– Твое имя, бездельник? – спросил сэр Даниэль.

– Конделль. Конделль из Шорби, с позволения вашей милости.

– До меня дошли дурные слухи о тебе, – сказал рыцарь. – Ты заподозрен в измене, затягиваешь взнос арендной платы, на тебя падает тяжелое обвинение в убийстве многих людей. Как? Ты еще так дерзок! Ну, я смирю тебя.

– Глубокоуважаемый и достопочтенный господин, – проговорил старик, – тут вышла какая-то чепуха, не будет сказано в вашем присутствии. Я бедный, честный человек и никому не сделал зла.

– Младший офицер дал мне о тебе самые скверные сведения, – сказал рыцарь. – «Схватите этого Тиндела из Шорби», – сказал он.

– Конделль, мой добрый господня, Конделль, – таж зовут меня, несчастного.

– Конделль или Тиндель – все равно, – хладнокровно ответил сэр Даниэль. – Ты здесь, и я, по правде, сильно сомневаюсь в твоей честности. Если хочешь спасти свою шею, напиши-ка мне поскорее обязательство на двадцать фунтов.

– На двадцать фунтов, мой добрый господин! – вскрикнул Конделль. – Да это чистое безумие! Все мое имение не стоят семидесяти шиллингов.

– Конделль или Тиндель, – со смехом сказал сэр Даниэль, – я пойду на риск. Напиши двадцать фунтов, а когда я получу все, что будет возможно, я буду тебе добрым господином и прошу остальное.

– Увы! Это невозможно, мой добрый господин, я не искусен в письме, – сказал Конделль.

– Увы! – проговорил рыцарь. – Значит, нет другого средства. А мне бы очень хотелось пощадить тебя, Тиндель, да совесть не позволяет. Сельден, возьми-ка осторожно этого старого ворчуна, доведи его до ближайшего вяза и повесь нежно за шею там, где я могу увидеть его, когда поеду. Прощайте, добрый мастер Конделль, дорогой мастер Тиндель, вы отправляетесь в рай на почтовых; итак, прощайте!

– Ну, мой остроумный лорд, – ответил Конделль с принужденной, льстивой улыбкой, – раз вы требуете, как и подобает вам, я исполню ваше приказание, несмотря на все мое неумение.

– Друг, – сказал сэр Даниэль, – теперь ты напишешь сорок. Полно! Ты слишком хитер, чтобы иметь состояние только в семьдесят шиллингов. Сельден, посмотри, чтобы он написал как следует, и чтобы было засвидетельствовано по форме.

И сэр Даниэль, веселый рыцарь, – веселее его не было в целой Англии, – сделал глоток эля и с улыбкой откинулся на спинку кресла.

Между тем лежавший на полу мальчик зашевелился, потом поднялся и испуганно оглянулся вокруг.

– Сюда, – сказал сэр Даниэль, и когда мальчик, повинуясь его приказанию, встал и медленно подошел к нему, он снова откинулся назад и громко расхохотался. – Клянусь Распятием! – крикнул он. – Что за сильный, здоровый мальчик!

Мальчик вспыхнул от гнева, и молния ненависти мелькнула в его темных глазах. Теперь, когда он стоял на ногах, было бы трудно определить его возраст. По выражению лица, хотя гладкого и чистого, как у ребенка, он казался старше, фигура его была необыкновенно тонка, походка несколько неловкая.

– Вы звали меня, сэр Даниэль, – сказал он, – для того, чтобы посмеяться над моим печальным состоянием?

– Ну, дайте мне посмеяться, – сказал рыцарь. – Прошу вас, милочка, дайте мне посмеяться. Если бы вы могли видеть себя, то, уверяю, сами бы расхохотались.

– Ну! – вскрикнул, вспыхивая, мальчик. – Вы ответите за это, как за все остальное. Смейтесь, пока можете.

– Ну, – несколько серьезнее проговорил сэр Даниэль, – я вовсе не насмехаюсь над вами, это только шутка, дозволенная между родными и близкими друзьями. Я устрою ваш брак, получу тысячу фунтов и буду чрезвычайно любить вас. Правда, я захватил вас несколько грубо, но так уж пришлось, зато с настоящей минуты я буду от всего сердца заботиться о вас и с радостью служить вам. Вы станете миссис Шельтон – леди Шельтон, клянусь! Потому что мальчик обещает многое. Гм! Не следует пугаться честного хохота, он прогоняет печаль. Кто смеется,

тот не негодяй. Эй, хозяин, дай поесть моему кузену, мастеру Джону. Садитесь, милочка, и кушайте.

– Нет, – сказал мастер Джон, – я не преломлю хлеба с вами. Раз вы принуждаете меня к такому греху, я буду поститься ради спасения души. Добрый хозяин, пожалуйста, будьте так добры, дайте мне кружку чистой воды; вы очень обяжете меня своей любезностью.

– Кушайте, вы получите разрешение от этого греха! – крикнул рыцарь. – Исповедуетесь как следует, а пока удовольствуйтесь ожиданием и кушайте.

Но мальчик был упрям, он выпил кружку воды, снова плотно завернулся в свой плащ и уселся в дальнем уголке, погрузившись в мрачное раздумье.

Через час или два в селении поднялась суматоха, послышались оклики часовых, звон оружия и стук лошадиных копыт; потом к гостинице подъехал отряд всадников, и Ричард Шельтон, весь забрызганный грязью, появился на пороге комнаты.

– Да хранит вас Бог, сэр Даниэль, – сказал он.

– Как! Дикки Шельтон! – вскрикнул рыцарь. При имени Дика сидевший в углу мальчик с любопытством взглянул на него. – А что же Беннет Хэтч?

– Пожалуйста, сэр, ознакомьтесь с содержанием этого пакета, присланного вам сэрмом Оливером, тут все подробно описано, – ответил Ричард, подавая письмо священника. – А затем вам следовало бы как можно скорее отправиться в Райзингэм, потому что на пути нам встретился гонец, бешено мчавшийся с письмами. Он сообщил нам, что лорд Райзингэм находится в отчаянном положении и чрезвычайно нуждается в вашем присутствии.

– Что ты говоришь? В отчаянном положении? – переспросил рыцарь. – Ну, так мы потопимся не спеша, мой добрый Ричард. В бедном английском государстве кто едет тише, тот едет увереннее. Отсрочка, говорят, порождает гибель, а, по-моему, скорее поспешность губит людей. Заметь это, Дик. Но прежде дай мне посмотреть, что за скотину ты пригнал сюда. Сельден, запри дверь на цепь.

Сэр Даниэль вышел на улицу и при красном свете факелов произвел инспекторский смотр своих войск. Он был непопулярен как сосед и как господин, но очень любим как вождь всеми теми, кто следовал за его знаменем. Его отвага, испытанное мужество, заботливость об удобствах солдат, даже грубые шутки – все это приходилось по вкусу смелым храбрецам его отряда.

– Ну, клянусь Распятием! – крикнул он. – Что это за жалкий сброд! Одни искривлены как лук, другие тонки как копье. Друзья, не послать ли вас в передние ряды во время сражения? Я не буду экономить вас, друзья. Покажите-ка мне этого старого негодяя на пегой лошади! Двухлетняя овца, едущая на свинье, имела бы более воинственный вид. А, Клипсби, ты здесь, старая крыса? Вот человек, которого я охотно потерял бы; ты пойдешь впереди всех, а на кафтане у тебя будет нарисована мишень, чтобы стрелки могли лучше целиться; ты будешь указывать мне путь.

– Я укажу вам какой угодно путь, сэр Даниэль, кроме того, который ведет от одной партии к другой, – смело ответил Клиисби.

Сэр Даниэль разразился громким смехом.

– Хорошо сказано! – крикнул он. – Язык у тебя во рту бойкий. Ну, я прощу тебя за удачное словечко. Сельден, посмотри, чтобы накормили его и его скотину.

Рыцарь вернулся в гостиницу.

– Ну, друг Дик, приступай, – сказал он. – Вот добрый эль и свиная грудинка. Кушай, пока я буду читать.

Сэр Даниэль вскрыл пакет и нахмурил брови. Прочитав письмо, он сел и задумался; потом проницательно посмотрел на своего воспитанника.

– Дик, – сказал он после короткого раздумья. – Ты читал эти скверные стишки?

Юноша ответил утвердительно.

– В них упоминается имя твоего отца, – продолжал рыцарь, – какой-то сумасшедший обвиняет нашего бедного сэра Оливера в его убийстве.

– Он горячо отрицал это, – заметил Дик.

– В самом деле? – очень резко сказал рыцарь. – Язык у него без костей; болтает, словно сорока. Современем, когда я буду посвободнее, я сам расскажу тебе об этом подробнее, Дик. В то время сильно подозревали некоего Декуорна, но время было смутное, и нельзя было добиться правосудия.

– Это случилось в Моот-Хаусе? – спросил Дик с сильно бьющимся сердцем.

– Эта случилось между Моот-Хаусом и Холивудом, – спокойно ответил сэр Даниэль; при этом, однако, он метнул искоса мрачный, подозрительный взгляд на Дика. – А теперь поторопись с едой, ты отвезешь в Тонсталль несколько строчек от меня.

Выражение сильного огорчения появилось на лице Джка.

– Пожалуйста, сэр Даниэль, пошлите кого-нибудь из крестьян! – вскрикнул он. – Умоляю вас, пустите меня в битву. Обещаю вам, что сумею наносить удары.

– Я не сомневаюсь в этом, – ответил сэр Даниэль, садясь к принимаясь за письмо. – Но тут, Дик, нельзя приобрести почестей. Я останусь в Кеттлее, пока не получу верных сведений о ходе войны и тогда поеду, чтобы присоединиться к победителю. Не кричи, что это трусость – это только мудрость, Дик; бедное государство изнурено бунтами; владычество короля и его заточение так часто сменяются одно другим, что никто не может быть уверен в завтрашнем дне. Переметные сумы и ветрогоны попадают на это, а господин здравый разум сидит, поджидая, в сторонке.

С этими словами сэр Даниэль отвернулся от Дика и стал писать письмо на другом конце длинного стола, скривив рот, так как история с Черной Стрелой крепко застряла у него в голове.

Молодой Шельтон между тем усердно поглощал свой завтрак, как вдруг почувствовал, что кто-то дотронулся до его руки, и чей-то очень нежный голос прошептал ему на ухо:

– Не подавайте виду, умоляю вас, – говорил этот голос, – но будьте милосердны, укажите мне прямой путь в Холивуд. Умоляю вас, добрый мальчик, утешьте бедную душу, находящуюся в опасности и полном отчаянии, и укажите мне путь к покою.

– Идите по дорожке у ветряной мельницы, – так же тихо ответил Дик, – она доведет вас до перевоза через Тилль; там спросите снова.

И, не поворачивая головы, он снова принялся за еду. Но, бросив искоса взгляд, он увидел, что юноша, которого называли мастером Джоном, украдкой вышел из комнаты.

«Да он так же молод, как я, – подумал Дик, – а назвал меня «добрым мальчиком». Знай я, что он так молод, я допустил бы скорее, чтобы его повесили прежде, чем указал бы ему дорогу. Ну, если он пойдет по болоту, я могу догнать его и надрать ему уши».

Через полчаса сэр Даниэль дал Дику письмо и велел ему отправиться в Моот-Хаус как можно скорее. Через полчаса после отъезда Дика прискакал сломя голову посланный от лорда Райзингэма.

– Сэр Даниэль, – сказал посланный, – вы теряете возможность приобрести большие почести, уверяю вас! Битва началась сегодня утром до восхода солнца, и мы побили их авангард и рассеяли правое крыло. Предстоит уже решительное сражение. У вас свежие силы, и вы можете загнать всех неприятелей в реку. Как, сэр рыцарь? Неужели вы будете последним? Это не послужит вашей чести.

– Нет, я только что собирался выступить! – крикнул рыцарь. – Сельден, труби поход. Сэр, через минуту я буду с вами. Большая часть моего отряда приехала не более двух часов тому назад, господин гонец. Что прикажете делать? Пришпоривать – дело хорошее, но иногда это убивает коня. Поскорее, ребята!

К этому времени звук трубы весело раздавался в утреннем воздухе; люди сэра Даниэля стекались со всех сторон на главную улицу селения и выстраивались перед гостиницей. Они спали с оружием в руках, с оседланными лошадьми, и через десять минут сто человек солдат и стрелков из лука, чисто одетых и хорошо дисциплинированных, стояли наготове в рядах. Большинство было в ливреях сэра Даниэля, темно-красного и синего цвета, что придавало им нарядный вид. Впереди ехали лучше вооруженные, а вдали, в хвосте колонны, находилось жалкое подкрепление, явившееся накануне. Сэр Даниэль с гордостью оглядел ряды своего отряда.

– Вот молодцы, которые пригодятся в затруднении, – сказал он.

– Действительно, славные люди, – ответил посланный. – Тем печальнее, что вы не выпустили их раньше.

– Как же иначе? – сказал рыцарь. – Все лучшее приберегается к началу праздника и к концу стычки. – Он сел в седло. – Это что! – вдруг крикнул он. – Джон! Джоанна! Клянусь святым Распятием! Хозяин, где же девушка?

– Девушка, сэр Даниэль? – закричал в свою очередь хозяин. – Нет, сэр, я не видел никакой девушки.

– Ну, мальчик, дурак! – закричал рыцарь. – Неужели ты не видел, что это девушка? Ну, та, что была в темно-красном плаще, что нарушила пост, выпив воды, негодяй, где же она?

– Да помилуют нас все святые! Вы звали ее мастером Джоном, – сказал хозяин. – Ну, а мне в голову ничего не пришло... Он уехал, я видел его... то есть ее, я видел ее в конюшне, добрый час тому назад; он оседлал серую лошадь.

– Клянусь Распятием! – вскрикнул сэр Даниэль. – Девушка стоила мне пятьсот фунтов, если не больше!

– Сэр рыцарь, – с горечью заметил гонец, – пока вы здесь кричите о пятистах фунтах, английское королевство может быть приобретено или потеряно в другом месте.

– Хорошо сказано, – заметил сэр Даниэль. – Сельден, возьми с собой шесть стрелков из лука; отыщите мне ее. Все равно, чего бы это ни стоило, но чтобы я нашел ее после возвращения в Моот-Хаус. Ты отвечаешь мне за это головой. А теперь выступаем, господин гонец.

Глава II

На болоте

Было около шести часов майского утра, когда Дик подъехал к болоту на обратном пути домой. Небо было совершенно синее; веселый ветер дул громко и ровно; колеса ветряных мельниц вертелись, а ивы над болотом колыхались и белели, словно нива. Дик провел целую ночь в седле, но у него было хорошее сердце и здоровое тело, поэтому он продолжал ехать очень весело.

Дорожка спускалась все ниже и ниже к болоту, пока он не потерял из виду все отличительные приметы, кроме ветряной мельницы в Кеттлее на холме позади и верхушек тонсталльского леса далеко впереди.

С обеих сторон тянулись большие поля, покрытые колеблемым ветром тростником и ивами, лужи, волновавшиеся от ветра, и изменнические, зеленые как изумруд топи, завлекавшие путешественника и обманывавшие его. Дорожка шла почти прямо через болото. Она была очень древняя; ее проложили еще римские солдаты; с течением времени она опустилась во многих местах и лежала там и сям под стоячими водами болота.

Приблизительно в миле от Кеттлея Дик подъехал к такому месту дорожки, где разбросанные в виде островков тростники и ивы сбивали с толку путешественника. К тому же глубокая топь в этом месте была глубже, чем в других; всякий незнакомый с этим местом легко мог попасть в беду, и Дик с некоторым угрызением совести вспомнил о юноше, которому он дал такие неясные указания. Что касается его самого, то одного взгляда назад, туда, где вертевшиеся крылья ветряной мельницы чернели на синем небе, другого вперед на верхушки тонсталльского леса было совершенно достаточно для того, чтобы ехать прямо и спокойно, словно по большой дороге, хотя вода омывала ноги его лошади по колени.

На полдороге, когда он уже увидел сухую дорожку, подымавшуюся высоко на другой стороне, он вдруг услышал сильный всплеск воды направо от себя и заметил серую лошадь, провалившуюся по брюхо в тину и отчаянно бившуюся. Как будто почувствовав приближение помощи, бедное животное бешено заржало. Конь поводил налившимися кровью, обезумевшими от ужаса глазами; он барахтался в трясине, и тучи насекомых подымались в воздухе и жужжали над ним.

– Увы! – подумал Дик. – Неужели бедный юноша погиб? Это, наверно, его славный серый конь. Ну, товарищ, ты зовешь меня так жалостно, что я сделаю все возможное человеку, чтобы помочь тебе. Не оставляю тебя тонуть дюйм за дюймом!

Он натянул арбалет и пустил стрелу в голову животного.

Дик поехал дальше уже не с прежней веселостью после такого грубого акта милосердия. Он пристально вглядывался во все окружающее, ища следы своего менее счастливого предшественника.

– Если бы я смог как следует указать ему дорогу... – подумал он. – А теперь он, пожалуй, погиб в болоте.

Только он подумал это, как чей-то голос окликнул его со стороны плотины, и, обернувшись, он увидел лицо мальчика, выглядывавшее из-за тростника.

– Вы здесь? – сказал он, останавливая лошадь. – Вы лежали среди тростника так, что я заметил вас, когда проехал мимо. Я видел вашу лошадь – ее затянуло в трясину – и я избавил ее от мучений. Право, вы должны были бы сами сделать это, если бы были милосердным всадником. Но выходите из своего убежища. Тут никто не потревожит вас.

– Добрый мальчик, у меня нет оружия, да если бы и было, то я не умею управляться с ним, – ответил юноша, выходя на дорожку.

– Зачем вы называете меня «мальчиком»? – крикнул Дик. – Я не думаю, чтобы вы были старшим из нас двоих.

– Добрый мастер Шельтон, – сказал незнакомец, – пожалуйста, простите меня. У меня не было ни малейшего желания обидеть вас. Скорее я буду молить вас о доброте и милости, потому что мне приходится теперь хуже, чем когда-нибудь, так как я потерял дорогу, плащ и мою бедную лошадь. У меня есть хлыст и шпоры, а нет лошади, на которой можно было бы сидеть! А главное, – прибавил он, грустно оглядывая свою одежду, – главное, неприятно быть так страшно выпачканным!

– Вздор! – крикнул Дик. – Неужели обращать внимание на то, что выкупался? Кровь из раны или пыль от путешествия – все это только украшает мужчину.

– Ну, тогда он нравится мне больше некрасивым, – заметил юноша. – Но, пожалуйста, скажите, что мне делать? Помогите мне советом, добрый мастер Ричард. Если я не доберусь благополучно до Холивуда, то я погиб.

– Ну, – сказал Дик, сходя с лошади. – Я дам тебе кое-что получше совета. Возьми-ка мою лошадь, а я побегу рядом; когда я устану, мы поменяемся; таким образом, бегом и пешком мы скоро доберемся до нашей цели.

Дик остановил свою лошадь. Мальчик сел на нее, и они отправились вперед настолько скоро, насколько позволяла неровная плотина. Дик шел рядом с лошадью, положив руку на колено всадника.

– Как тебя зовут? – спросил Дик.

– Зови меня Джоном Мэтчем, – ответил юноша.

– А что ты делаешь в Холивуде? – продолжал Дик.

– Ищу убежища от притесняющего меня человека, – был ответ. – Добрый аббат Холивудский – сильная опора слабых.

– А как же ты очутился с сэром Даниэлем, мастер Мэтчем? – продолжал расспрашивать Дик.

– Благодаря насилию! – сказал юноша. – Он взял меня силой из моего дома; одел в эту одежду; заставил ехать, пока мне не сделалось дурно; насмеялся так, что я чуть не заплакал; а когда некоторые из моих друзей погнались, чтобы отнять меня, он поставил меня в задний ряд так, чтобы их выстрелы могли попасть в меня! Я даже был ранен в ногу и хромаю. Ну, да настанет день суда над ним, поплатится он за все!

– Неужели ты думаешь, что из маленького ружья можно выстрелить в луну? – сказал Дик. – Он храбрый рыцарь, и рука у него железная. Если он узнает, что я устроил твой побег или принял участие в нем, мне плохо придется.

– Ах, бедный мальчик, – возразил юноша, – я знаю, что он твой опекун. И мой также, по его словам, или он купил право на устройство моего брака – не знаю хорошенько, но только у него есть какой-то повод иметь власть надо мной.

– Опять «мальчик»? – сказал Дик.

– Ну, так звать мне тебя девочкой, добрый Ричард? – спросил Мэтчем.

– Только не девочкой, – возразил Дик. – Я ненавижу всех их.

– Ты говоришь как мальчик, – заметил его спутник. – А думаешь о них больше, чем сознаешься.

– Ну, уж нет, – решительно проговорил Дик. – Они и в голову не приходят мне. Черт их побери! Дайте мне охотиться, сражаться, пировать и жить с веселыми жителями лесов! Я никогда не слыхал, чтобы девушка могла быть годна на что-либо, впрочем... кроме одной; да и ее, бедняжку, сожгли, как ведьму, за то, что она, вопреки природе, носила мужское платье.

Мастер Мэтчем набожно перекрестился и, по-видимому, прочел молитву.

– Что ты делаешь? – спросил Дик.

– Я молюсь за ее душу, – ответил Мэтчем.

– За душу ведьмы? – воскликнул Дик. – Впрочем, помолись за нее, если угодно; она была лучшая девушка в Европе, эта Жанна д'Арк. Старый стрелок Аппльярд рассказывал, что он бежал от нее, как от нечистой силы. Да, она была храбрая девушка.

– Ну, добрый мастер Ричард, – вернулся Мэтчем к прежнему разговору, – ты не настоящий мужчина, если так сильно не любишь девушек, потому что Бог нарочно создал всех попарно и послал в мир истинную любовь для ободрения мужчин и утешения женщин.

– Фу! – сказал Дик. – Ты – ребенок, молокосос, что обращаешь такое внимание на женщин. А если ты считаешь, что я не настоящий мужчина, то сойди на дорогу, и я докажу, что я мужчина, чем угодно: кулаками, мечом или стрелой.

– Я вовсе не боец, – поспешно проговорил Мэтчем. – Я не хотел обидеть тебя. Я просто пошутил. Если же я заговорил о женщинах, то потому, что слышал, будто ты женишься.

– Я женюсь! – вскрикнул Дик. – В первый раз слышу это! А на ком же я женюсь?

– На некоей Джоанне Седлей, – краснея проговорил Мэтчем. – Это дело рук сэра Даниэля; за устройство этой свадьбы он рассчитывает получить с обеих сторон. А я слышал, что бедная девушка страшно огорчена мыслью об этом браке. Она, кажется, разделяет твое мнение, а может быть, жених неприятен ей.

– Ну, брак что смерть, от него не уйдешь, – покорно проговорил Дик. – А она огорчается? Ну, посуди сам, что за ветреницы эти девушки – огорчается раньше, чем увидела меня? Отчего же я не огорчаюсь? Если я буду жениться, то уже с сухими глазами! Но если ты знаешь ее, то скажи, какова она? Красива или некрасива? Дурного характера или хорошего?

– А зачем тебе это? – сказал Мэтчем. – Если тебе надо жениться, то и женись. Не все ли равно, красива она или некрасива? Ведь это пустяки. Ты не молокосос, мастер Ричард; ведь ты женишься, не проронив ни слезинки.

– Хорошо сказано, – заметил Шельтон. – Мне это решительно все равно.

– Приятный муж будет у твоей жены, – сказал Мэтчем.

– У нее будет такой муж, какого пошлет ей Господь, – возразил Дик. – Я думаю, бывают и худшие, и лучшие.

– Ах, бедная девушка! – вскрикнул Джон.

– Почему уж такая бедная? – спросил Дик.

– Да потому, что ей придется выходить за человека, сделанного из дерева, – ответил его товарищ. – О, Боже мой, такой деревянный муж!

– А ведь я и в самом деле человек из дерева, – сказал Дик, – потому что плетусь пешком, а ты едешь на моей лошади; но я думаю, что, если я из дерева, то из хорошего.

– Прости меня, добрый Дик, – живо проговорил юноша. – Нет, ты добрейший человек в Англии. Я только пошутил. Прости меня, милый Дик.

– Ну, без глупостей, – возразил Дик, несколько смущенный горячностью своего товарища. – Ничего дурного не вышло. Я не обидчив, хвала святым.

В эту минуту ветер, дувший им в спину, донес до них резкие звуки трубы сэра Даниэля.

– Слушай! – сказал Дик. – Это звучит труба.

– Ах! – сказал Мэтчем. – Мое бегство открыто, а у меня нет лошади! – и он побледнел как смерть.

– Ну, смелее! – сказал Дик. – Ты сильно обогнал их, а мы уже близко к перевозу. А вот у меня так действительно нет лошади.

– Увы, меня поймают! – кричал беглец. – Дик, добрый Дик, умоляю тебя, помоги мне!

– Ну, что такое с тобой? – сказал Дик. – Мне кажется, я помогаю тебе очень усердно. Но мне жаль такого трусливого малого! Ну, так слушай же, Джон Мэтчем, – если твое имя действительно Джон Мэтчем, – я, Ричард Шельтон, будь что будет, во что бы то ни стало доставлю тебя невредимым в Холивуд. Пусть святые накажут меня, если я покину тебя. Ну, ободрись-ка,

бледнолицый сэр. Дорога здесь лучше; пришпорь лошадь. Быстрее! Быстрее! Не обращай внимания на меня; я могу бежать как олень.

Лошадь бежала крупной рысью; Дик легко поспевал за ней. Таким образом они проехали остальную часть болота и добрались до хижины перевозчика на берегу реки.

Глава III

Перевоз у болота

Широкая, медленно струившаяся река Тилль, с глинистым руслом, вытекала из болот и в этой части своего течения вилась среди двух десятков болотистых островков, поросших ивами.

Река была мутная, но в это светлое, чудное утро все казалось прекрасным. На поверхности ее виднелась сильная рябь, а небо отражалось улыбающимися, разорванными кусками голубого цвета.

У самой дорожки была маленькая бухта; хижина перевозчика приютилась под самым берегом. Она была построена из ветвей и глины; зеленая трава росла на крыше.

Дик подошел к двери и отпер ее. Внутри хижины на старом, рваном, коричневом плаще растянулся перевозчик, человек большого роста, но худой и изнуренный местной лихорадкой.

– Э, мастер Шельтон, – сказал он, – вы собираетесь переехать на ту сторону? Плохие времена, плохие времена! Берегитесь. Тут разгуливают молодцы из одной шайки. Поверните лучше пятки и попробуйте пробраться по мосту.

– Нет, в седле скорее, – ответил Дик. – Время не терпит, Гуг. Я очень тороплюсь.

– Своенравный малый! – сказал, вставая, перевозчик. – Счастливы вы, если вам удастся добраться до Моот-Хауса, больше я ничего не скажу. Кто это? – прибавил он, заметив Мэтчема, и прищутив глаза, остановился на пороге своей хижины.

– Это мой родственник, мастер Мэтчем, – ответил Дик.

– Здравствуй, добрейший перевозчик, – сказал Мэтчем, который сошел с лошади и подошел к разговаривавшим, ведя лошадь за повод, – пожалуйста, спусти лодку, мы очень торопимся.

Худой перевозчик продолжал пристально смотреть на него.

– Клянусь мессой! – наконец крикнул он и расхохотался во все горло.

Мэтчем вспыхнул до ушей и нахмурился. Дик с разгневанным лицом положил руку на шею невежи.

– Это что такое, грубиян! – крикнул он. – Займись своим делом и перестань насмехаться над людьми познатнее тебя!

Гуг ворча отвязал свою лодку и спустил ее в глубокую воду, недалеко от берега. Дик ввел лошадь в бухту, Мэтчем последовал за ним.

– Вы очень уж малы, мастер, – сказал Гуг, осклабив зубы, – вероятно, для вас была сделана отдельная мерка. Ну, мастер Шельтон, я готов, – прибавил он, берясь за весла. – И кошка может смотреть на короля. Я только мельком взглянул на мастера Мэтчема.

– Ни слова более, негодяй! – сказал Дик. – Принимайся за дело.

К этому времени они были у выхода из бухты, откуда открывался вид вверх и вниз по реке, на которой повсюду были разбросаны островки. Глинистые берега вдавались в реку; ивы кивали своими верхушками, тростник качался по ветру. На всем водном лабиринте не было видно признака присутствия человека.

– Мастер, – сказал Гуг, правя лодкой одним веслом. – Я сильно подозреваю, что на острове находится Джон-а-Фенн. Он питает злобу ко всем, кто имеет отношение к сэру Даниэлю. Что, если бы подняться по реке? Я посадил бы вас на расстоянии полета стрелы над дорожкой. Вам лучше не иметь дела с Джоном Фенном.

– Почему? Разве он принадлежит к этой шайке?

– Ну, я молчу, – сказал Гуг, – но я поднялся бы вверх по воде, Дик. Что, если какая-нибудь стрела да попадет в мастера Мэтчема? – и он снова расхохотался.

– Пусть будет по-твоему, Гуг, – ответил Дик.

– Ну, так смотрите, – сказал Гуг, – когда так, снимите-ка свой арбалет, вот так: теперь натяните тетиву хорошо, положите стрелу. Ну, держите и смотрите на меня посуровее.

– Что это значит? – спросил Дик.

– Ну, мой мастер, если я перевезу вас, то должен сделать это только насильно или со страху, – ответил перевозчик, – потому что, если Джон Фенн узнает об этом, то соседство его будет крайне неприятно мне.

– Разве эти негодяи имеют такую силу? – спросил Дик. – Разве они распоряжаются и паромом, и лодкой сэра Даниэля?

– Ну, – шепнул, подмигивая, Гуг, – запомни мои слова! Сэр Даниэль падет. Его время прошло. Он падет. Молчание. – И он нагнулся над веслами.

Они долго плыли по реке, обогнули мыс одного из островов и тихо спустились по узкому каналу вблизи противоположного берега. Тут Гуг направил лодку на середину реки.

– Я должен спустить вас здесь, между ив, – сказал он.

– Тут нет тропинки, тут только болота, покрытые ивами, да трясины, – заметил Дик.

– Мастер Шельтон, – ответил Гуг, – я не смею везти вас дальше, ради вас самих. Он караулит у перевоза с луком наготове. Он подстреливает как кроликов всех, кто идет мимо, если они расположены к сэру Даниэлю. Я слышал, как он клялся Распятием. Не знай я вас давно, когда вы были вот таким, я не повез бы вас, но ради прежних дней и потому, что с вами игрушка, не годная ни для ран, ни для войны, я рискнул обоими моими ушами, чтобы перевезти вас. Удовольствуйтесь этим, больше я ничего не могу сделать, клянусь спасением моей души!

Гуг еще говорил, налегая на весла, когда среди ив на острове раздался громкий крик, и послышался шум, как будто сильный человек пробирался сквозь чащу леса.

– Чтоб тебе сдохнуть! – крикнул Гуг. – Он был все это время на верхнем острове. – Он направил лодку прямо к берегу. – Грози мне луком, добрый Дик, грози так, чтобы это было видно, – прибавил он. – Я старался спасти ваши шкуры, спаси теперь мою.

Лодка с треском влетела в чащу ив. Мэтчем, бледный, но решительный и проворный, пробежал, по знаку Дика, по камням и выскочил на берег. Дик взял лошадь за повод и хотел последовать его примеру, но застрял в чаще благодаря величине животного и густоте деревьев. Лошадь ржала и била ногами, а лодка, колыхавшаяся от прибоя, закачалась еще сильнее.

– Нельзя, Гуг, нельзя пристать тут! – крикнул он, продолжая, однако, отважно бороться с упрямой чащей и испуганным животным.

На берегу острова показался высокий человек с луком в руке. Дик искоса взглянул на него и увидел, что он с трудом натягивал тетиву. Лицо его покраснело от волнения.

– Кто идет? – громко закричал он. – Гуг, кто идет?

– Это мастер Шельтон, Джон, – ответил перевозчик.

– Стой, Дик Шельтон! – крикнул человек на острове. – Я не сделаю тебе вреда, клянусь Распятием! Стой! Отъезжай, Гуг!

Дик ответил насмешкой.

– Ну, тогда ты пойдешь пешком, – ответил незнакомец и пустил стрелу.

Пораженная стрелой, лошадь забилась от боли и ужаса; лодка опрокинулась, и в одно мгновение сидевшие в ней очутились в реке, борясь с течением.

Когда Дик выплыл на поверхность воды, он был на расстоянии ярда от берега; прежде чем он мог ясно разглядеть что-нибудь, он ухватился за какой-то твердый предмет, который сейчас же потащил его за собою. Это был хлыст, ловко брошенный ему Мэтчемом, повисшим на спустившейся над водой ивой.

– Клянусь мессой! – сказал Дик, когда Мэтчем помог ему выбраться на берег. – Я обязан тебе жизнью. Я плаваю, как ядро. – И он сейчас же направился к острову.

Гуг плыл рядом со своей опрокинутой лодкой и был уже на середине реки; Джон-а-Фенн в гнев на неудачу выстрела кричал, чтобы он поторопился.

– Ну, Джек, побежим, – сказал Шельтон. – Прежде чем Гугу удастся вытащить свою лодку и обоим им привести ее в порядок, мы можем убежать от них.

И, подтверждая слова примером, он побежал, пробираясь между ив, а в болотистых местах перескакивая с кочки на кочку. Ему некогда было рассматривать, куда он бежит; он думал только о том, как убежать подальше от реки, и вложил в бег все силы своей души.

Наконец местность стала выше, что убедило Дика в верности принятого им направления; вскоре товарищи добрались до покрытого травой склона; тут ивы стали перемешиваться с вязами.

Вдруг Мэтчем, который все время тащился вдали, бросился на землю.

– Оставь меня, Дик! – задыхаясь, крикнул он. – Я не могу больше.

Дик обернулся и подошел к лежавшему товарищу.

– Как, Джек... оставить тебя! – сказал он. – Это было бы подло с моей стороны после того, как ты рисковал попасть под выстрел, выкупаться в реке и даже утонуть, чтобы спасти мою жизнь. Да, утонуть, потому что только святым известно, почему я не утащил тебя за собой.

– Ну, – сказал Мэтчем, – я спас бы обоих, потому что умею плавать.

– В самом деле? – спросил Дик, широко раскрывая глаза. Это был единственный из мужских талантов, к которому он был совершенно не способен. В ряду талантов, которыми он восхищался, умение плавать стояло на втором месте после умения убить противника в поединке. – Вот, – сказал он, – хороший урок: не следует презирать ни одного человека. Я обещался охранять тебя до самого Холивуда, а клянусь Распятием, Джек, ты скорее можешь охранять меня.

– Ну, Дик, мы теперь друзья с тобой, – сказал Мэтчем.

– Да мы никогда и не были недругами, – ответил Дик. – Ты в своем роде хороший мальчик, хотя несколько похож на бабу. Я никогда не встречал никого, кто походил бы на тебя. Но, пожалуйста, переведи дух и пойдем дальше. Тут не место для болтовни.

– У меня очень болит нога, – сказал Мэтчем.

– Да, я забыл о твоей ноге, – ответил Дик. – Ну, значит, нам надо идти осторожнее. Хотелось бы мне знать, где мы. Я совершенно потерял тропинку; впрочем, может быть, это и лучше. Если стерегут у перевоза, то, может быть, стерегут и тропинку. Хотелось бы мне, чтобы сэр Даниэль вернулся сюда с сорока людьми; он разметал бы этих негодяев, как ветер рассеивает листья. Ну, Джек, обопрись о мое плечо, бедняга. Нет, ты недостаточно высок для этого. Сколько тебе лет? Готов побиться о заклад, двенадцать?

– Нет, мне шестнадцать, – сказал Мэтчем.

– Ну, ты мал для своих лет, – ответил Дик. – Возьми мою руку. Мы пойдем тихо, не бойся. Я обязан тебе жизнью, Джек, а я умею одинаково хорошо отплачивать за добро, как и за зло.

Они стали подыматься по откосу.

– Рано или поздно мы должны выйти на дорогу, – продолжал Дик, – и тогда двинемся вперед. Клянусь мессой! Какая у тебя слабая рука, Джек! Я бы стыдился, если бы у меня была такая рука. Знаешь, что я скажу тебе? – с внезапным смехом проговорил он. – Клянусь мессой, мне кажется, что Гуг, перевозчик, принял тебя за девушку!

– Нет, не может быть! – вскрикнул Мэтчем, сильно краснея.

– А я готов побиться об заклад, что это так! – настаивал Дик. – Да и нельзя винить его. Ты больше похож на девушку, чем на мужчину. Больше скажу тебе: для мальчика у тебя странный вид, а для девушки, Джек, ты был бы совсем красив, право. Ты был бы хорошенькой девушкой.

– Ну, – сказал Мэтчем, – ведь ты отлично знаешь, что я не девушка.

– Да, знаю, я шучу, – сказал Дик. – Ты будешь настоящим мужчиной, мой храбрый. Смотри, еще какие совершишь подвиги. А знаешь что? Мне было бы ужасно любопытно

узнать, кто из нас, Джек, будет первым посвящен в рыцари? «Сэр Ричард Шельтон, рыцарь» – это красиво звучит. Но и «сэр Джон Мэтчем» звучит недурно.

– Пожалуйста, Дик, остановись, дай мне напиток, – сказал его приятель, останавливаясь у светлого ручейка, вытекавшего из холма прямо в песчаное углубление, величиной не более кармана. – И... о, Дик, если бы я мог поесть чего-нибудь! У меня даже сердце болит от голода.

– Да что, ты не поел, что ли, в Кеттлее, дурачок? – спросил Дик.

– Я дал обет. Я был введен в грех, – пробормотал Мэтчем, – но теперь я с радостью поел бы сухого хлеба.

– Так садись и ешь, – сказал Дик, – покуда я пойду разыскивать дорогу.

Он вынул из-за пояса сумку, в которой был хлеб и куски копченой свиной грудинки. Мэтчем с жадностью набросился на еду, а Дик пошел в чашу деревьев.

Немного дальше была лощинка, где ручеек пробивался среди сухих листьев; еще дальше деревья становились выше и стояли на большем расстоянии друг от друга; ива и вяз стали заменяться дубом и буком. Бесперывный шелест листьев деревьев, колеблемых ветром, заглушал звуки его шагов; эти звуки представляли для слуха то же, что безлунная ночь для глаза, но Дик все же шел чрезвычайно осторожно, прокрадываясь от одного толстого дерева к другому и зорко оглядываясь по сторонам. Внезапно в зарослях перед ним промелькнула лань, словно тень. Он остановился в гневе на несчастную случайность. Эта часть леса была, наверно, пустынна, но теперь, когда бедная лань побежала, она являлась как бы вестником, посланным им, чтобы предупредить об опасности, и вместо того, чтобы идти дальше, Дик вернулся к ближайшему высокому дереву и стал быстро взбираться на него.

Счастье улыбнулось ему. Дуб, на который он влез, был одним из самых высоких в этой части леса и возвышался над своими соседями на шесть футов с половиной.

Когда Дик добрался до самого высокого разветвления и повис там, раскачиваясь с головокружительной быстротой на сильном ветру, он увидел за собой всю болотистую равнину вплоть до Кеттлея, и Тилль, извивавшийся среди лесистых островков, а впереди белую линию большой дороги, проходившую по лесу. Лодка была поднята – теперь она была на половине пути к перевозу. Но за этим исключением не было ни признака присутствия человека, не слышно ничего, кроме шума ветра. Он только собрался спуститься с дерева, как, бросив взгляд, увидел ряд точек посреди болота. Очевидно, какой-то маленький отряд переходил плотину быстрым шагом; это несколько встревожило Дика; он быстро спустился и вернулся к своему товарищу.

Глава IV

Лесные удальцы

Между тем Мэтчем отдохнул и ожил. Приятели, встревоженные тем, что видел Дик, поспешно прошли остальную часть леса, беспрепятственно перешли через дорогу и начали подыматься на возвышенность, на которой был расположен Тонсталльский лес. Везде попадались рощи, между которыми виднелись места, поросшие вереском, дроком, песчаные и покрытые старыми тисами. Почва становилась все более неровной; постоянно встречались углубления и кочки. И с каждым шагом выше ветер дул все более резко, а деревья гнулись под его порывами, словно лесы удочек.

Беглецы только что вышли на одну из полянок, как Дик внезапно бросился на землю, уткнув лицо в терновник, и медленно пополз назад в тень чащи. Мэтчем, хотя и сильно удивленный, так как не видел причины бегства, последовал примеру товарища. Только тогда, когда оба добрались до гостеприимной чащи, он повернулся и попросил объяснения.

Вместо ответа Дик показал пальцем.

В дальнем конце лужайки, высоко возвышаясь над всем соседним лесом, старая ель отчетливо выделялась на светлом небе своей мрачной зеленью. Футов на пятьдесят от земли ствол рос прямо, напоминая массивную колонну. На этой высоте он разветвлялся на два огромных сука: в их разветвлении, словно мачта на корабле, стоял человек в зеленой одежде, зорко глядывавшийся во все стороны. Солнце ярко освещало его волосы; одной рукой он прикрывал глаза и в то же время медленно покачивал головой то в одну сторону, то в другую с правильностью машины. Мальчики переглянулись.

– Попробуем идти налево, – сказал Дик, – мы чуть было не попались, Джек.

Через десять минут они вышли на проторенную дорожку.

– Я не знаю этой части леса, – заметил Дик. – Куда ведет эта дорожка?

– Попробуем все-таки пойти по ней, – сказал Мэтчем.

Через несколько ярдов дорожка дошла до вершины хребта и стала круто спускаться к впадине, напоминавшей своей формой чашу. У подножия холма, среди густой чащи цветущего боярышника, две или три крыши с обозначившимися стропилами, как бы почерневшими от огня, и высокая труба указывали развалины дома.

– Что бы это могло быть? – шепнул Мэтчем.

– Клянусь мессой, не знаю, – ответил Дик. – Я совершенно потерялся. Но все же идем смело вперед.

С бьющимися сердцами они спустились среди кустов боярышника. По пути им попадались следы недавней жизни: фруктовые деревья и огородные овощи росли в диком виде в роше; солнечные часы валялись на траве; приятелям казалось, что тут был прежде сад. Пройдя еще немного, они очутились перед развалинами какого-то дома.

Должно быть, дом был некогда красивый и крепко выстроенный. Он был обнесен сухим рвом, заполненным обломками камней; вместо моста перекинута упавшее бревно. Две стены дома еще стояли, и лучи солнца пробивались сквозь пустые окна; но остальная часть здания рухнула и лежала в гряде развалин, почерневших от огня. Несколько кустиков растений уже зеленели внутри, между щелями.

– Я вспомнил, – прошептал Дик, – это, должно быть, Гримстон. Он принадлежал некоему Симону Мельмсбери; сэр Даниэль был причиной его гибели! Беннет Хэтч сжег дом пять лет тому назад. По правде сказать, мне было очень жалко, так как дом был очень красив.

Внизу, во впадине, куда не достигал ветер, было тихо и тепло; Мэтчем положил руку на плечо Дика и поднял палец в знак предостережения.

– Тс! – сказал он.

Какой-то странный звук нарушил тишину. Он повторился два раза, прежде чем слушатели уяснили себе его происхождение. То прочищал горло какой-то человек. Немедленно за этим хриплый, нескладный голос запел:

«И встал тогда хозяин, король всех сорванцов,
И молвил: «Что вам надо среди этих лесов?»
А Гамелин ответил – он не бывал смущен: —
«Тот, кому город тесен, в лесу гуляет он...»

Певец остановился; раздался легкий лязг железа, и затем наступило молчание.

Мальчики стояли, глядя друг на друга. Кто бы ни был их невидимый сосед, он находился как раз по ту сторону развалин. Внезапно краска залила лицо Мэтчема; в следующее мгновение он перешел по упавшему бревну и стал осторожно влезать на огромную кучу мусора, наполнявшую внутренность разрушенного дома. Дик удержал бы его, если бы поспел вовремя; теперь же ему оставалось только следовать за товарищем.

В углу развалины два бревна упали накрест, образовав пустое пространство. Через него и спустились в безмолвии мальчики. Они спрятались так, что их совершенно не было видно, и через дырочку, проделанную стрелой, могли видеть все, что происходило на другой стороне.

Заглянув в дырочку, товарищи онемели от ужаса при мысли о положении, в которое они попали. Возвратиться назад было невозможно; они едва смели дышать. На самом краю рва, футах в тридцати от места, где они скрывались, железный котел кипел и дымился над ярко горевшим костром; а совсем рядом с ним, прислушиваясь, словно до него донесся шум, произведенный ими при спуске, стоял высокий, краснолицый, очень тощий человек с железной ложкой в правой руке, с рогом и страшным кинжалом за поясом. Очевидно это и был певец; ясно было, что он мешал в котле, когда чьи-то неосторожные шаги по мусору донеслись до его слуха. Немного дальше другой человек дремал, завернувшись в коричневый плащ; над лицом его порхала бабочка. Вся эта сцена происходила на поляне, белой от маргариток; в самой отдаленной части ее, на цветущем боярышнике, висел лук, колчан со стрелами и остаток туши оленя.

Незнакомец перестал прислушиваться, поднял ложку ко рту, попробовал ее содержимое и снова начал мешать в котле и петь.

– «Тот, кому город тесен, в лесу гуляет он»...

– прокаркал он, возвращаясь к тем словам, на которых остановился.

«О, сэр, мы здесь в лесу зла делать не хотим,
Лань королевскую лишь разве подстрелим».

Продолжая петь, он брал время от времени ложку похлебки, дул на нее и пробовал с видом опытного повара. Наконец он, должно быть, решил, что похлебка готова, вынул из-за пояса рог и протрубил в него три раза.

Спавший проснулся, повернулся на другой бок, отогнал бабочку и огляделся вокруг.

– Что такое, брат? – сказал он. – Обед?

– Да, болван, – ответил повар, – обед, обед всухомятку, без эля и хлеба. Теперь мало удовольствий в зеленом лесу; было время, когда хороший малый мог жить здесь, словно аббат в митре, вдали от дождей и белых холодов; у него бывало вдоволь эля и вина. Но теперь отважный дух угас в людях; этот Джон Мститель, Боже спаси и сохрани нас, не что иное, как пугало для ворон.

– Ну, Лаулесс, – возразил собеседник, – ты слишком много обращаешь внимания на еду и питье. Погоди немного, придет хорошее время.

– Видишь, я жду этого хорошего времени с тех пор, как был вот таким, – ответил повар. – Я был францисканским монахом; был королевским стрелком; был матросом и плавал по соленым морям; бывал, черт возьми, и лесным бродягой, и стрелял королевских оленей. И что же вышло из всего этого? Ничего! Лучше бы я остался в монастыре. Аббат Джон значит более, чем Джон Мститель. Клянусь Пречистой Девой! Вот и они.

На поляне один за другим показались высокие, пригожие молодцы. Каждый из них, вынув нож и роговую чашку, брал себе похлебки из котла и усаживался на траву. Одежда и вооружение их отличались большим разнообразием: некоторые были в грубых рубахах, и все оружие их состояло из ножа и старого лука; другие были одеты по самой лесной моде – в шапках и куртках из темно-зеленого сукна, с нарядными стрелами, украшенными перьями, за поясом, рогом на перевязи, мечом и кинжалом сбоку. Они приходили безмолвные от голода и, еле буркнув какое-то приветствие, сейчас же набрасывались на еду.

Их собралось уже человек около двадцати, когда звуки сдержанных радостных восклицаний раздались вблизи, среди кустов боярышника, и немедленно вслед за этим на поляну вышли пять-шесть человек, несших носилки. Высокий, крепкий человек с легкой сединой в волосах, с цветом лица, напоминавшим прокопченный окорок, шел впереди с авторитетным видом; за спиной у него был лук, в руке – рогатина.

– Ну, добрые молодцы! – крикнул он. – Мои веселые друзья, вы тут свистели на сухой дудке и жили скудно. Но что я всегда говорил? Имейте терпение, судьба всегда может обернуться к лучшему. И вот ее первенец – славный эль!

Послышался гул одобрительных возгласов, когда носильщики опустили носилки, на которых оказался бочонок больших размеров.

– А теперь поторопитесь, братцы, – продолжал пришедший. – Нам предстоит работа. К перевозу только что подошла группа стрелков; они в одеждах темно-красного и синего цвета; все они – мишень для нас; все должны попробовать наших стрел; ни один из них не должен пробиться через этот лес. Братцы, здесь нас около пятидесяти сильных человек, и каждому из нас нанесена тяжелая обида: кто потерял свои земли, кто – друзей; некоторые лишены прав и изгнаны, все угнетены! Кто же сделал это зло? Сэр Даниэль, клянусь Распятием! Неужели же он воспользуется плодами своих преступлений? Неужели будет уютно сидеть в наших домах? Вспахивать наши поля? Будет сосать украденную у нас кость? Полагаю, нет. Он пользуется силой закона; выигрывает процессы, но есть один процесс, которого он не выиграет, – у меня тут за поясом такая бумага, которая, если будет угодно святым, победит его.

Повар к этому времени пил уже второй рог эля. Он поднял его как бы в знак приветствия оратору.

– Мастер Эллис, – сказал он, – вы стоите за месть, как и следует вам; но ваш бедный брат по зеленому лесу, которому незачем ни жалеть о потерянных землях, ни думать о друзьях, со своей жалкой точки зрения, помышляет о прибыли, которую можно получить от этого. Он предпочитает благородное золото и четырехпинтовый сосуд с вином Канарских островов всякой мести в мире.

– Лаулесс, – ответил оратор, – чтобы достигнуть Моот-Хауса, сэр Даниэль должен проехать через лес. Черт возьми! Этот путь обойдется ему дороже всякой битвы. Потом, когда он останется с жалкой горстью людей, которой удастся спастись от нас, когда все его знатные друзья падут или обратятся в бегство, и некому будет помочь ему, мы окружим со всех сторон эту старую лисицу, и велико будет его падение. Это жирная добыча; ее хватит на обед всем нам.

– Эх, – сказал Лаулесс, – много я едал таких обедов, но приготовить их трудная работа, добрый мастер Эллис. А пока, что мы делаем? Изготавливаем черные стрелы, пишем стихи и пьем свежую холодную воду – пренеприятный напиток.

– Ты ненадежен, Уилль Лаулесс. От тебя все еще отдает запахом кладовой францисканцев; жадность погубит тебя, – заметил Эллис. – Мы взяли двадцать фунтов от Аппльярда. Мы взяли семь марок вчера у гонца. День тому назад мы получили пятьдесят от купца.

– А сегодня, – сказал один из присутствующих, – я остановил толстого продавца индульгенций, скакавшего в Холивуд. Вот его кошелек.

Эллис сосчитал содержимое кошелька.

– Сто шиллингов! – проворчал он. – Дурак, у него, наверное, было больше запрячено в сандалиях или зашито в капюшоне. Ты еще ребенок, Том Кьюкоу; ты упустил рыбку.

Но несмотря на все, Эллис небрежно опустил кошелек в карман. Он стоял, опираясь на рогатину и оглядывал остальных. Сидя в различных позах, они жадно ели суп из дичи и обильно запивали его элем. День удался хороший; счастье улыбалось им; но надо было спешить, и они быстро справлялись с едой. Те, что пришли раньше, уже покончили с обедом. Некоторые легли на траву и сейчас же заснули, словно удавы; другие болтали между собой и осматривали оружие. Один из собеседников, в особенно веселом настроении, запел, держа в руках рог с элем:

«Не знаем закона средь наших лесов,
И голод нам здесь незнаком:
Всегда здесь олень нам на пищу готов.
Здесь летом все весело, тихо кругом.

Когда же настанут здесь бури, дожди,
Зима с собой снег принесет —
Тихонько, спустив капюшон, уходи
Домой, где очаг тебя ждет».

В это время мальчики лежали и слушали; только Ричард снял свой арбалет и приготовил крюк, чтобы натянуть тетиву. Они не смели двинуться, и эта сцена из лесной жизни происходила на их глазах, словно в театре. Но вдруг в этом пиршестве наступил перерыв. Высокая дымовая труба, возвышавшаяся над остатками развалин, находилась как раз над их головами. Вдруг в воздухе раздался свист, затем кромкий удар, и куски сломанной стрелы пролетели мимо ушей мальчиков. Кто-то, может быть, часовой на ели, пустил стрелу в трубу.

Мэтчем не мог удержаться от легкого крика, который он заглушил сейчас же; даже Дик вздрогнул и выпустил крюк. Очевидно, это был сигнал для собравшихся на поляне людей. В одно мгновение все они были на ногах, начали стягивать пояса, пробовали тетивы, вынимали из ножен мечи и кинжалы. Эллис поднял руку; лицо его внезапно приняло выражение дикой энергии; белки глаз блестели на загорелом лице.

– Молодцы, – сказал он, – вы знаете ваши места. Не дайте ускользнуть ни одной человеческой душе. Аппльярд – выпивка перед едой; теперь мы подходим к самому столу. Я хочу хорошенько отомстить за трех людей: за Гарри Шельтона, Симона Мельмсбери и, – ударяя себя по широкой груди, – за Эллиса Декуорса, клянусь мессой!

Какой-то человек, весь красный от волнения, прибежал через кусты терновника.

– Это не сэр Даниэль, – задыхаясь, проговорил он. – Их только семеро. Стрела долетела до вас?

– Только что прилетела, – ответил Эллис.

– Черт побери! – крикнул гонец. – Мне послышался ее свист. А я-то должен отправиться без обеда.

В течение одной минуты члены «Черной Стрелы», кто бегом, кто быстрыми шагами, смотря по тому, кто где находился, покинули стоянку у разрушенного дома; и только котел, потухавший костер и остов мертвого оленя на кусте боярышника указывали, что они были тут.

Глава V

Кровожаден, как охотничий пес

Мальчики лежали смирно, пока последние шаги не заглушил шум ветра. Тогда они встали и с большим трудом, так как очень устали от неудобного положения, в котором им пришлось лежать, проползли по развалинам и перешли снова через ров по бревну. Мэтчем поднял крюк и прошел первым; Дик следовал за ним с арбалетом в руке.

– А теперь вперед, в Холивуд, – сказал Мэтчем.

– В Холивуд! – вскрикнул Дик. – В то время, когда будут избивать хороших людей? Только не я! Я лучше согласен видеть тебя повешенным, Джек!

– Так ты бросишь меня, бросишь? – спросил Мэтчем.

– Что делать! Приходится, – ответил Дик. – Если я не успею предупредить их, я умру вместе с ними. Как! Неужели ты хотел бы, чтобы я бросил людей, среди которых жил? Полагаю, нет. Дай мне мой крюк!

Но Мэтчем вовсе не собирался исполнить это приказание.

– Дик, – сказал он, – ты поклялся перед святыми, что доставишь меня здоровым и невредимым в Холивуд. Неужели ты откажешься от своих слов? Неужели покинешь меня как клятвопреступник?

– Нет, я клялся от души, – ответил Дик. – И хотел выполнить свою клятву. Знаешь что, Джек, иди со мной; дай мне только предупредить этих людей и, если будет нужно, пострелять с ними, потом, когда все прояснится, я пойду в Холивуд и сдержу свою клятву.

– Ты насмехаешься надо мной, – сказал Мэтчем. – Те люди, которым ты хочешь помогать, ищут моей гибели.

Дик почесал голову.

– Я не могу поступить иначе, Джек, – сказал он. – Тут нет другого средства. Тебе не грозит большая опасность, мой милый, а они стоят на пути к смерти. Смерть! – повторил он. – Подумай об этом! Черт побери, зачем ты задерживаешь меня здесь? Дай мне крюк. Клянусь святым Георгием, неужели все они должны умереть?

– Ричард Шельтон, – сказал Мэтчем, пристально смотря ему в лицо, – неужели ты соединишься к партии сэра Даниэля? Разве у тебя нет ушей? Разве ты не слышал, что говорил этот Эллис? Или у тебя нет сердца для твоих кровных и для твоего отца, убитого этими людьми? «Гарри Шельтон», сказал он, а что Гарри Шельтон был твоим отцом – это так же верно, как то, что солнце светит на небе.

– Чего ты от меня хочешь? – крикнул Дик. – Неужели ты хочешь, чтобы я поверил воров?

– Я слышал это и раньше, – сказал Мэтчем. – Молва о том, что его убил сэр Даниэль, сильно распространена здесь. Он убил его, преступив клятву; он пролил невинную кровь у него же в доме. Небо жаждет отмщения за это убийство, а ты – сын этого человека – идешь утешать и защищать его убийцу!

– Джек! – вскрикнул мальчик. – Я не знаю. Может быть, это и было так, почему я знаю! Но видишь, этот человек воспитал меня, кормил; с его людьми я охотился, играл с ними, и вдруг оставить их в час опасности. О, милый, если бы я сделал это, то был бы совершенно лишен чести! Джек, не проси меня, ты не захотел бы видеть что я поступаю низко.

– Но твой отец, Дик? – несколько колеблясь, проговорил Мэтчем. – Твой отец? И твоя клятва мне? Ты взял в свидетели святых.

– Мой отец? – сказал Шельтон. – Он был бы за то, чтобы я пошел туда! Если сэр Даниэль убил его, то эта рука убьет сэра Даниэля, когда настанет час, но в опасности я не покину ни его, ни его людей. А что касается моей клятвы, то ты, добрый Джек, избавишь меня от нее.

Ради спасения жизни многих людей, не сделавших тебе никакого зла, и ради моей чести ты освободишь меня.

– Я освобожу тебя, Дик? Никогда! – ответил Мэтчем. – Если ты бросишь меня, ты нарушишь клятву, и я объявлю это всем.

– Кровь моя кипит! – сказал Дик. – Отдай мне крюк! Отдай его мне!

– Не отдам, – сказал Мэтчем, – я спасу тебя помимо твоей воли.

– Не отдашь? – крикнул Дик. – Я заставлю тебя отдать!

– Попробуй! – сказал Мэтчем.

Они стояли, смотря в глаза друг другу, готовые броситься. Дик сделал прыжок, Мэтчем сейчас же повернулся и побежал, но Дик нагнал его двумя прыжками, вырвал у него из рук крюк, грубо бросил мальчика на землю и встал над ним разгоряченный, грозно занеся кулак. Мэтчем лежал там, где упал, лицом в траву, не думая сопротивляться.

Дик натянул тетиву.

– Я покажу тебе! – бешено кричал он. – Без клятвы или с клятвой, мне все равно, будь ты повешен!

Он повернулся и побежал. Мэтчем сразу вскочил на ноги и бросился за ним.

– Что тебе нужно? – крикнул Дик, остановившись. – Чего ты бежишь за мной? Убирайся прочь!

– Я могу идти за тобой, если мне угодно, – сказал Мэтчем. – Лес открыт для меня.

– Отойди, клянусь Пречистой Девой! – сказал Дик, подымая арбалет.

– Ах, какой ты храбрый мальчик! – возразил Мэтчем. – Стреляй.

Дик опустил в смущении арбалет.

– Смотри, – сказал он. – Ты сделал мне достаточно зла, иди подобру-поздорову своей дорогой, а то мне невольно придется прогнать тебя.

– Хорошо, – упрямо проговорил Мэтчем. – Ты сильнее из нас двух. Сделай самое худшее. Я все равно не перестану идти за тобой, Дик, разве что тебе удастся силой заставить меня уйти.

Дик был почти вне себя от бешенства. Ему было совестно побить такое беззащитное существо, а между тем он, хоть убей, не знал другого способа отделаться от нежеланного и, как ему начало казаться, неверного товарища.

– Мне кажется, ты с ума сошел! – крикнул он. – Дурачок, ведь я спешу к твоим врагам, я пойду к ним так скоро, как только могут меня нести ноги.

– Мне все равно, Дик, – ответил мальчик, – если тебе суждено умереть, Дик, я также умру. Я предпочитаю идти с тобой в тюрьму, чем быть свободным без тебя.

– Ну, – сказал Дик, – мне некогда стоять тут и болтать. Иди за мной, если уже тебе так нужно, но если изменишь мне, то плохо тебе придется, запомни это. Я пристрелю тебя.

Сказав это, Дик снова пустился бежать, придерживаясь опушки чащи и зорко оглядываясь по сторонам. Он выскочил из лощины в более открытую часть леса. Налево показалась небольшая возвышенность, покрытая золотистым дроком и увенчанная группой черных елей.

– Отсюда я могу увидеть что-нибудь, – подумал Дик, направляясь по покрытой вереском поляне.

Он прошел только несколько ярдов, как вдруг Мэтчем дотронулся до его плеча и указал ему вдаль. К востоку от возвышенности почва опускалась и переходила в долину; вереск еще не отцвел, и вся поверхность походила на заржавленный, невычищенный щит, на котором редкие вязы казались пятнами. Там Дик увидел человек пять в зеленых куртках, подымавшихся на холм; во главе их, заметный по рогатине в руках, шел сам Эллис Декурорс. Один за другим они достигали вершины, взглядывали на небо и потом исчезали на противоположной стороне.

Дик посмотрел на Мэтчема более ласковым взглядом.

– Так ты будешь верен мне, Джек? – спросил он. – Я думал, что ты принадлежишь к другой партии.

Мэтчем зарыдал.

– Это еще что! – крикнул Дик. – Святые угодники! Что ты хнычешь из-за одного слова.

– Ты сделал мне больно, – проговорил, рыдая, Мэтчем. – Ты сделал мне больно, когда бросил на землю. Ты трус, потому что злоупотребляешь своей силой.

– Ну, это дурацкая болтовня, – грубо сказал Дик. – Ты не имеешь никаких прав на мой крюк, мастер Джон. Я хорошо бы сделал, если бы отколотил тебя как следует. Если пойдешь со мной, то должен меня слушаться. Тогда идем.

Мэтчем раздумывал, не остаться ли ему, но видя, что Дик шагает к возвышенности и ни разу не оглянулся в его сторону, передумал и побежал вслед. Но поверхность была чрезвычайно неровная и крутая; Дик далеко обогнал его, к тому же он бежал гораздо скорее и давно уже взобрался на вершину, прополз между елей и спрятался в заросли дрока, когда Мэтчем, задыхаясь, словно загнанный олень, добрался до него и молча улегся рядом с ним.

Внизу, в конце большой долины, короткая дорога от деревушки Тонсталль спускалась к перевозу. Она была хорошо проторена, и глазам легко было следить за ней по всему протяжению. Она окаймлялась то просеками, то лесом; через каждые сто ярдов в ней могла встретиться засада. Далеко внизу дорожки солнце ярко отсвечивало от семи стальных шлемов, а по временам, когда деревья редели, можно было видеть Сельдена и его людей, которые быстро скакали, исполняя приказание сэра Даниэля.

Ветер немного утих, но продолжал весело играть деревьями; может быть, если бы с отрядом находился Аппльярд, он увидел бы предостережение в беспокойстве птиц.

– Теперь заметь, – шепнул Дик. – Они уже достаточно далеко заехали в лес; спасение их зависит от того, продвинутся ли они вперед. Видишь вон то место, где широкая просека сбегает вниз, а в середине ее десятка два деревьев образуют как бы остров? Там они были бы в безопасности. Только бы им добраться туда здоровыми и невредимыми; я постараюсь предупредить их. Но я предчувствую несчастье: их только семеро против многочисленных врагов, и вооружены они луками. А арбалет, Джек, всегда одержит победу над луком.

Между тем Сельден и его спутники продолжали пробираться по дорожке, не подозревая о грозившей им опасности, и постепенно приближались к месту, где скрывались мальчики.

Один раз они остановились, собрались в кучку и, казалось, прислушивались, указывая на какую-то точку. Но внимание их, очевидно, было привлечено тем, что происходило очень далеко, на равнине – глухим ревом пушки, доносившимся по временам ветром и говорившим о большом сражении. Конечно, было о чем подумать: если голос больших пушек стал слышен в Тонсталльском лесу, то битва, должно быть, отодвигалась восточнее, и, очевидно, счастье обернулось против сэра Даниэля и лордов алой розы.

Но вот маленький отряд снова двинулся и дошел до очень открытой части дороги, покрытой вереском, куда вдавалась только узкая полоса леса. Они только что поравнялись с ней, как в воздухе мелькнула стрела. Один из людей всплеснул руками, лошадь его попятилась, оба упали и катались вместе по земле. Даже оттуда, где лежали мальчики, слышен был гул человеческих голосов; они увидели, как испуганные лошади становились на дыбы. Наконец отряд несколько оправился от изумления, и один из всадников стал сходить с коня. Вторая стрела, пущенная издали, сверкнула, описав пологую дугу, – второй всадник упал на землю. Сходивший с лошади человек упустил повод, лошадь его понеслась галопом, таща его за ногу вдоль дороги, причем он ударялся о каждый камень и попадал под копыта. Четверо оставшихся в седле немедленно рассыпались в разные стороны; один повернулся и с криком поскакал к перевозу; остальные трое, бросив поводья, с развевающимися одеждами помчались вверх по дороге, шедшей из Тонсталля. Из-за каждой группы деревьев, мимо которой они скакали, в них летела стрела. Скоро упала одна из лошадей, но всадник вскочил на ноги и продолжал следовать за товарищами, пока второй выстрел не уложил его. Упал еще человек; потом его

лошадь; из всего отряда остался только один человек, и тот без лошади; шум галопировавших в разные стороны лошадей без всадников быстро замирал в пространстве.

За все это время не показался ни один из нападающих. Местами на дороге валялись люди и лошади в смертельной агонии, но ни один милосердный враг не вышел из своего убежища, чтобы избавить их от страданий.

Оставшийся в живых человек стоял, пораженный, рядом со своим павшим конем. Он прошел вдоль широкой полянки с островком из леса, на который указывал Дик. Он был на расстоянии приблизительно пятисот ярдов от того места, где спрятались мальчики, и они могли видеть, как он оглядывался вокруг в ожидании смерти. Но ничего не произошло, и к несчастному вернулось его мужество. Вдруг он снял свой арбалет и натянул тетиву. В ту же минуту он сделал движение, по которому Дик узнал Сельдена.

При этой попытке к сопротивлению в чаще леса вокруг Сельдена раздался хохот. По крайней мере, человек двадцать – в засаде сидело наибольшее количество людей – приняли участие в этом жестоком и несвоевременном веселье. Потом стрела пролетела мимо плеча Сельдена, он прыгнул и отскочил немного назад. Другая стрела, дрожа, упала у его ног. Он бросился под прикрытия деревьев. Третья стрела полетела прямо в лицо ему и упала недалеко от него. И хохот повторился снова, раздаваясь эхом в различных местах чащи.

Ясно было, что нападающие только дразнили несчастного, как люди в те времена дразнили бедного быка, или как кошка и теперь играет с мышкой. Стычка уже окончилась; дальше по дороге человек в одежде зеленого цвета спокойно собирал стрелы, а остальные доставляли себе жестокое удовольствие смотреть на муки грешника, своего ближнего.

Сельден понял, в чем дело; с гневным криком он положил на плечо свой арбалет и послал наудачу стрелу в лес. Случай помог ему: в чаще раздался легкий крик. Сельден бросил свое оружие и побежал вперед вдоль просеки, почти прямо к тому месту, где скрывались Дик и Мэтчем.

Члены шайки «Черной Стрелы» начали стрелять не на шутку. Но они получили по заслугам: счастье отвернулось от них; большинству пришлось стрелять против солнца, а Сельден на бегу перепрыгивал с одной стороны на другую, чтобы обмануть их и не дать им верно прицелиться. Более того, повернув вдоль просеки, он расстроил все планы врагов; там не было расставлено стрелков, кроме того, которого он только что убил или ранил. Очевидно, между нападавшими произошло смятение. Раздался свисток, повторенный сначала три, потом два раза. В ответ на них раздались свистки с другой стороны. Лес с обеих сторон наполнился звуками шагов людей, которые пробирались сквозь заросли. Перепуганная лань выбежала на полянку, постояла одно мгновение на трех ногах и потом снова исчезла в чаще.

Сельден продолжал бежать, перебегая с одной стороны на другую; временами его преследовали стрелы, но все они не попадали в цель. Казалось, что ему удастся остаться невредимым. Дик держал наготове свой арбалет, чтобы помочь ему; даже Мэтчем забыл о своих интересах и в душе сочувствовал бедному беглецу. Оба мальчика дрожали и горели от глубокого волнения.

Сельден был ярдах в пятидесяти от них, когда в него попала стрела и он упал. В то же мгновение он поднялся на ноги, побежал шатаясь, словно слепой, в другую сторону.

Дик вскочил на ноги.

– Сюда! – крикнул он, махая рукой. – В эту сторону! Тут есть помощь! Беги, малый... Беги.

Но как раз в эту минуту вторая стрела попала в плечо Сельдену между пластинками его лат и прошла сквозь кафтан. Он упал на землю.

– Бедняга! – вскрикнул Мэтчем, сжимая руки.

Дик словно окаменел; стоя на холме, он представлял собою удобную мишень для стрельбы.

Он наверно был бы немедленно убит, потому что преследователи были вне себя от ярости на свою неудачу и от негодования на неожиданное появление Дика в тылу их позиции, но вдруг из лесу – в поразительно близком расстоянии от мальчиков – раздался громовой голос – голос Эллиса Декуorsa.

– Остановитесь! – кричал он. – Не стреляйте! Возьмите его живым! Это молодой Шельтон, сын Гарри.

Сейчас же раздался пронзительный свист, повторенный несколько раз и передававшийся все дальше и дальше. Свист, по-видимому, исполнял у Джона Мстителя роль боевой трубы, посредством которой он отдавал свои приказания.

– Ах, беда! – крикнул Дик. – Мы пропали. Скорее, Джек, скорее!

Мальчики повернулись и побежали назад через группу сосновых деревьев, покрывавших вершину холма.

Глава VI

До конца дня

Действительно, мальчикам пора было бежать. Члены шайки «Черной Стрелы» устремились на холм со всех сторон. Те, кто умели лучше бегать или которым приходилось бежать по ровной местности, далеко опередили остальных и были уже близки к цели; бежавшие по долинам рассеялись направо и налево, окружая мальчиков с обеих сторон.

Дик бросился в первое попавшееся место. То была роща высоких дубов, с твердой почвой, без зарослей. Так как она спускалась вниз по холму, то мальчики могли бежать очень быстро. Затем шла открытая лужайка. Дик избегнул ее, повернув налево. Через две минуты им встретилось такое же препятствие, и мальчики избегли его таким же способом. В конце концов вышло, что мальчики, держась постоянно влево, все более и более приближались к большой дороге и реке, через которую они переплыли час или два тому назад, а большинство их преследователей уклонилось в другую сторону и бежало к Тонсталлю.

Мальчики остановились, чтобы передохнуть. Шум преследования прекратился. Дик приложил ухо к земле, и все же ничего не было слышно. Однако ветер по-прежнему шумел в деревьях, и потому трудно было убедиться, действительно ли настала тишина.

– Вперед! – сказал Дик, несмотря на усталость и на то, что Мэтчем продолжал хромать на больную ногу; они собрали все свое мужество и снова бросились вниз по холму.

Три минуты спустя они бежали через чашу плотно сомкнутого вершинами леса. Над их головами высокие деревья образовали густой покров листвы. Как бы поддерживаемая колоннами чаща леса, высокая, как кафедральный собор, была открыта и удобна для бегства, за исключением кустов остролиста, через которые приходилось пробираться мальчикам.

Пробравшись на другую сторону через последние кусты остролиста, они очутились опять на открытом месте.

– Стой! – крикнул чей-то голос.

И среди толстых стволов, менее чем в пятидесяти футах перед собой, они увидели толстого малого в зеленой одежде, который сейчас же вложил стрелу в лук и прицелился. Мэтчем с криком остановился. Дик, не останавливаясь, бросился прямо к нему, выхватывая на ходу кинжал. Был ли незнакомец поражен смелостью нападения или связан какими-нибудь приказаниями, неизвестно как бы то ни было, он не выстрелил и стоял, очевидно, колеблясь. Прежде чем он успел опомниться, Дик бросился на него, схватил его за горло и опрокинул навзничь на землю. Стрела отлетела в одну сторону, лук с громким звоном в другую. Обезоруженный лесной житель схватил напавшего на него мальчика; но в воздухе два раза сверкнул и опустился кинжал. Послышались стоны, и Дик поднялся на ноги. Незнакомец лежал неподвижно, пораженный в сердце.

– Вперед! – сказал Дик. Он бросился вперед; Мэтчем еле тащился за ним. Сказать правду, они бежали не очень быстро, так как это было очень трудно для них; они ловили ртом воздух, словно рыбы. Мэтчем чувствовал сильные боли в боку; голова у него кружилась. Колени Дика были как будто налиты свинцом. Но мальчики старались бежать с не уменьшавшимся мужеством.

Наконец, они добрались до конца чащи. Она кончалась внезапно, и в нескольких ярдах перед ними лежала большая дорога из Райзингэма в Шорби, шедшая между двумя ровными стенами леса.

При виде дороги Дик остановился и лишь только перестав бежать, услышал какой-то неясный шум, постепенно усиливавшийся. Сначала этот шум походил на порыв очень сильного ветра, но вскоре стал более определенным: послышался топот галопирующих лошадей, и в одно мгновение целый отряд воинов обогнул угол, промчался мимо мальчиков и исчез мгновенно.

Всадники ехали в полном беспорядке, очевидно, спасаясь; некоторые из них были ранены; лошади без всадников скакали рядом, с окровавленными седлами. Очевидно, то были беглецы с поля большого сражения.

Топот лошадей только что начал замирать в стороне Шорби, как снова послышался стук копыт, и по дороге проскакал еще беглец – на этот раз одинокий всадник и – судя по его великолепным латам – человек высокого положения. Сейчас же за ним следовали фуры обоза; лошади, понукаемые возницами, как будто дело шло о спасении жизни, бежали неуклюжей рысью. Очевидно, эти люди бежали заблаговременно с поля сражения; но трусость не спасла их. Только что они поравнялись с местом, где стояли удивленные мальчики, какой-то человек в изрубленных латах, по-видимому, вне себя от бешенства, нагнал фуры и начал избивать погонщиков рукояткой меча. Некоторые из них вскочили с мест и убежали в лес; он продолжал избивать сидевших, проклиная их все время как трусов, почти нечеловеческим голосом.

Все это время шум в отдалении усиливался; ветер доносил скрип телег, топот лошадей, крики людей, какой-то смутный, постепенно усиливавшийся шум. Ясно было, что целая армия хлынула, словно наводнение, на дорогу.

Дик стоял, мрачно задумавшись. Он намеревался идти по большой дороге, до поворота к Холивуду, а теперь ему приходилось изменять план. Но главное – он узнал цвета графа Райзингэма и понял, что приверженцы Ланкастерской розы потерпели полное поражение. Был ли сэр Даниэль с ними? И если да, бежал ли он, разбит ли он? Или он покинул сторону Йорка и изменил чести? И то, и другое было плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.